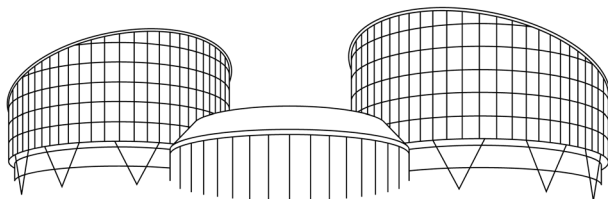


Данное постановление было первоначально опубликовано на английском языке Европейским судом по правам человека в его базе данных HUDOC (<https://hudoc.echr.coe.int/?i=001-94162>). Данный документ представляет собой неофициальный перевод, автоматически созданный OnlineDocTranslator (<https://www.onlinedoctranslator.com/en/>), и может не отражать оригинальный материал или точку зрения источника. Данный неофициальный перевод загружен Европейским центром защиты прав человека (https://ehrac.org.uk/en_gb/) исключительно в информационных целях.



EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

1959 • 50 • 2009

БОЛЬШАЯ ПАЛАТА

ДЕЛО «ВАРНАВА И ДРУГИЕ ПРОТИВ ТУРЦИИ»

*(Заявки № 16064/90, 16065/90, 16066/90, 16068/90, 16069/90,
16070/90, 16071/90, 16072/90 и 16073/90)*

СУЖДЕНИЕ

СТРАСБУРГ

18 сентября 2009 г.

В деле Варнава и другие против Турции,

Европейский суд по правам человека, заседаая в качестве Большой палаты в составе:

Жан-Поль Коста, президент,
Франсуаза Тюлькенс,
Жозеп Касадеваль,
Анатолий Ковлер,
Владимиро Загребельский,
Лех Гарлицки,
Дин Шпильман,
Сверре Эрик Джебенс,
Инета Зиемеле,
Отметка Виллигер,
Пайви Хирвеля,
Луис Лопес Герра,
Мирьяна Лазарова Трайковская,
нона Цоцория,
Анна Власть,
Здравка Калайджиева, судьи,
Гонюл Эрёнен, судья ad hoc,

и Эрик Фрайберг, регистратор,

Совещаясь за закрытыми дверями 19 ноября 2008 г. и 8 июля 2009 г.,

Выносит следующее решение, которое было принято в последнюю указанную дату:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было возбуждено девятью заявлениями (№№ 16064/90, 16065/90, 16066/90, 16068/90, 16069/90, 16070/90, 16071/90, 16072/90 и 16073/90) против Турецкой Республики. подано в Европейскую комиссию по правам человека («Комиссия») в соответствии с бывшей статьей 25 Конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») восемнадцатью гражданами Кипра Андреасом и Гиоргуллой Варнава (№ 16064/90), Андреас и Лоизос Лоизидес¹ (№ 16065/90), Филиппос Константину и Деметрис К. Пейотис (№ 16066/90), Деметрис Теохаридес и Элли Теохариду² (№ 16068/90), Паникос и Хрисула Хараламбус (№ 16069/90), Элефтериос и Христос Тома³ (№ 16070/90), Саввас и Андрула Хаджипантели (№ 16071/90),

1. См. пункт 11 ниже.

2. См. пункт 10 ниже.

3. См. пункт 9 ниже.

Саввас и Георгиос Апостолидес¹(№ 16072/90) и Леонтис Деметриу и Янулла Леонти Сарма (№ 16073/90) от 25 января 1990 г. Каждое из девяти заявлений содержало полномочия, подписанные вторыми заявителями от своего имени и от имени их девяти пропавших без вести. родственники, названные первыми заявителями.

2. Интересы заявителей представляли г-н А. Деметриадес и д-р К. Христомидес соответственно, адвокаты, практикующие в Никосии. Правительство Турции («Правительство-ответчик») было представлено их представителем.

3. Заявители утверждали, что первые заявители в вышеупомянутых заявлениях исчезли после задержания турецкими вооруженными силами в 1974 году и что с тех пор турецкие власти не дали им отчета. Они ссылались на статьи 2, 3, 4, 5, 6, 8, 10, 12, 13 и 14 Конвенции.

4. Жалобы были объединены Комиссией 2 июля 1991 г. и признаны приемлемыми 14 апреля 1998 г. Они были переданы в Суд 1 ноября 1999 г. в соответствии со статьей 5 § 3, вторым предложением, Протокола № 11 к Конвенции, Комиссия не завершила рассмотрение дела к этой дате.

5. Жалобы были переданы в Четвертую секцию Суда (Правило 52 § 1 Регламента Суда). В этой Секции Палата, которая должна была рассматривать дело (статья 27 § 1 Конвенции), была сформирована в соответствии с правилом 26 § 1. Г-н Тюрмен, судья, избранный от Турции, отказался от участия в рассмотрении дела (правило 28). Правительство-ответчик соответственно назначило г-жу Г. Эрёнен судьей ad hoc вместо него (пункт 2 статьи 27 Конвенции и пункт 1 правила 29).

6. Заявители и Правительство-ответчик представили свои замечания по существу (Правило 59 § 1).

7. 17 февраля 2000 г. правительство Кипра уведомило суд о своем желании участвовать в судебном разбирательстве. Они представили замечания по существу (Правило 59 § 1).

8. 1 ноября 2003 г. Суд изменил состав своих секций (Правило 25 § 1). Это дело было отнесено к вновь образованной Третьей секции (Правило 52 § 1).

9. 17 февраля 2005 г. представитель заявителей сообщил Суду, что второй заявитель, Христос Тома, отец первого заявителя в жалобе №. 16070/90, умер 12 апреля 1997 г., и приложил доверенности от своей жены Кристаллени Тома и дочери Марии Кристаллени Тома, которые заявили о своем намерении продолжить рассмотрение жалобы.

10. 13 ноября 2006 г. представитель заявителей сообщил Суду, что второй заявитель, Элли Теохариду, мать первого заявителя в жалобе №. 16068/90, умер 1 апреля 2005 г. и что наследники последнего

1. См. пункт 10 ниже.

(Урания Симеу, Каити Константину, Яннулла Кари, Элени Папайяни, Андреас Г. Теохаридес, Димитрис Г. Теохаридес и Мариос Г. Теохаридес) хотели продолжить рассмотрение заявления. В тот же день было сообщено, что второй заявитель, Георгиос Апостолидес, отец первого заявителя в жалобе №. 16072/90 умер 14 апреля 1998 г. и что наследники последнего (Панайота Хрису, Кристалла Антониаду, Аггела Георгиу, Авги Николау и Костас Апостолидес) намеревались продолжить рассмотрение заявления.

11. 11 января 2007 г. представитель заявителей сообщил Суду, что второй заявитель, Лоизос Лоизидес, отец первого заявителя в жалобе №. 16065/90 умер 14 сентября 2001 г., и что его внучка, Афина Хава, намеревалась продолжить подачу заявления от имени всех наследников умершего (Маркос Лоазу, Деспо Деметриу, Анна-Мария Луазу, Елена Лоизиду и Лоизос Лоизидес). .

12. После консультации со сторонами Палата решила, что слушания по существу не требуется (Правило 59 § 3 в конце). Было установлено, что наследники умерших заявителей имели необходимую заинтересованность и правоспособность для продолжения рассмотрения заявлений. В своем постановлении от 10 января 2008 г. («постановление Палаты») Палата единогласно постановила, что имели место нарушения статей 2, 3 и 5 Конвенции и что не возникало отдельных вопросов по статьям 4, 6, 8, 10, 12, 13 и 14 Конвенции. Он также постановил, что установление нарушения само по себе представляет собой достаточную справедливую компенсацию морального вреда, понесенного заявителями.

13. 28 марта 2008 г. Правительство-ответчик потребовало передачи дела в Большую Палату (статья 43 Конвенции).

14. 7 июля 2008 г. коллегия Большой палаты приняла решение удовлетворить ходатайство о передаче дела (правило 73).

15. Состав Большой палаты был определен в соответствии с положениями пунктов 2 и 3 статьи 27 Конвенции и Правилом 24.

16. 11 августа 2008 г. правительство Кипра («правительство, вступившее в дело») сообщило Суду о своем желании участвовать в разбирательстве. Они представили замечания по существу (Правило 59 § 1).

17. 18 сентября 2008 г. Президент разрешил международной неправительственной организации «Редресс» представить письменные замечания, которые были получены 2 октября 2008 г. (пункт 2 статьи 36 Конвенции и пункт 2 правила 44).

18. Заявители, Правительство-ответчик и Правительство, вступившее в дело, подали меморандум.

19. Публичные слушания состоялись во Дворце прав человека в Страсбурге 19 ноября 2008 г. (Правило 59 § 3).

Перед судом предстали:

- (a) от правительства-ответчика З. НЕКАТИГИЛ, *Агент*,
 Проф. д-р Дж. А. Фровейн,
 Миссис С. КАРАБАЧАК, Мистер Т. Билгич,
 Миссис Д. АКЧАЙ,
 Миссис А. ОЗДЕМИР, *Советники*;
- (b) для заявителей г-н А. ДЕМЕТРИАДЕС, барристер,
 Мистер Л. ХРИСТОДУЛУ, Адвокат,
 Мистер И. БРАУНЛИ, КОРОЛЕВСКИЙ АДВОКАТ, *Советник*, Мистер Л. АРАКЕЛЯН, Мистер
- (c) для промежуточного правительства-нП. КЛИРИДИС, Генеральный прокурор, *Агент*, Мистер

Суд заслушал обращения г-на Браунли и г-на Деметриадеса от заявителей, профессора Фровейна от правительства-ответчика и г-на Лоу от вступившего в дело правительства.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

A. Общий контекст

20. Жалобы, изложенные в этом заявлении, связаны с турецкими военными операциями на севере Кипра в июле и августе 1974 года и продолжающимся разделом территории Кипра. Эти события привели к четырем жалобам правительства Кипра против государства-ответчика, которые привели к различным выводам о нарушениях Конвенции. История изложена в решении Суда по делу Кипр против Турции ([БП], № 25781/94, §§ 13-18, ЕСПЧ 2001IV; далее «четвертое межгосударственное дело»), и Суд не видит причин для повторения.

B. Факты этих дел

21. Факты оспариваются сторонами. Суд отмечает, что краткое изложение их версий событий, приведенных в постановлении Палаты, не было представлено; они в значительной степени воспроизведены ниже с добавлением некоторой новой информации, представленной сторонами и обозначенной как таковая в тексте.

*1. Доводы заявителей о фактах***(а) Приложение №. 16064/90: Андреас Варнава**

22. Первый заявитель, торговец скобяными изделиями, родился в 1947 году; он считается пропавшим без вести с 1974 года. Его жена, второй заявитель, родилась в 1949 году и проживала в Лимбии.

23. В июле 1974 года первый заявитель в ответ на объявленную всеобщую мобилизацию был зачислен в качестве резервиста в 305-й батальон резервистов, штаб которого находился в деревне Дхали. С 8 по 9 августа 1974 г. солдаты запаса 305-го батальона резервистов, в том числе заявитель, заняли кипрские аванпосты вдоль линии фронта напротив турецких вооруженных сил, растянувшихся между Миа Милия и Кутсовендис.

24. Утром 14 августа 1974 г. турецкие вооруженные силы при поддержке танков и воздушного прикрытия начали атаку на кипрский район, где несли службу заявитель и его батальон. Линия обороны Кипра была прорвана, и турецкие вооруженные силы начали продвижение в район Миа Милия; кипрские силы начали отступать и рассредоточились во всех направлениях. Через некоторое время этот район был захвачен турецкими вооруженными силами, и заявитель оказался в ловушке. С тех пор никаких следов заявителя не было.

25. Г-н Кристакис Иоанну из Пано Дикомо, а ныне из лагеря беженцев Ставрос Строволос, который был пленником турецких вооруженных сил и/или турецких властей, заявил, что в тюрьме Адана в Турции, куда он был доставлен 31 августа 1974 г., находились еще сорок человек в той же комнате в течение трех-четырёх дней. Среди них был заявитель. По истечении указанного периода они расстались, и с тех пор он не видел заявителя.

(б) Приложение №. 16065/90: Андреас Лонзидес

26. Первый заявитель, студент, родился в 1954 году; он считается пропавшим без вести с 1974 года. Его отец, второй заявитель, родился в 1907 году и проживал в Никосии.

27. В июле 1974 года первый заявитель служил младшим лейтенантом в 1-й роте 256-го пехотного батальона, расквартированного в Ксеросе. Примерно 30 июля 1974 года батальон перешел в район Лапитоса. Солдаты были разделены на различные группы; группе заявителя, состоящей из десяти человек, было приказано занять позиции на высотах Лапитос.

28. 5 августа 1974 г. турецкие войска начали сильную атаку со всех сторон на позиции кипрских войск, в то время как другим турецким войскам удалось окружить Лапитос. Из-за турецкого превосходства в людях и вооружении кипрским силам было приказано отступить к

центру села к базе роты. Заявитель прибыл туда со своими людьми, и местные жители сообщили ему, что Лапитос окружен турецкими войсками. Они спрятали оружие в саду и переоделись в штатское. В тот же день заявитель и другие лица безуспешно пытались прорваться через турецкие позиции. Затем они вернулись в Лапитос, где провели ночь. Около 9 часов утра 6 августа 1974 года турецкие войска вошли в Лапитос и начали тщательные обыски домов. Заявитель и его товарищи были предупреждены жителями села и разошлись, чтобы избежать захвата. С тех пор никто из участников группы заявителя не видел.

29. Никос Т. Тампас из 256-го пехотного батальона, также находившийся на высотах Лапитос 5 августа 1974 г., упомянул в показаниях, что примерно в 9 часов вечера 6 августа 1974 г. он вошел на склад в деревне, где обнаружил заявителя, ухаживавшего за раненым. Поговорив с заявителем, он ушел. Это был последний раз, когда он видел заявителя. Сам он был арестован турками 9 августа 1974 года в Лапитосе, содержался в различных тюрьмах на Кипре и в Турции и освобожден 22 октября 1974 года.

30. Христодулос Паньи из Ватили, ныне из Строволоса, в своих показаниях заявил, что, будучи заключенным в тюрьме Адана, он видел и узнал заявителя, с которым он ранее встречался.

(с) Приложение №. 16066/90: Филиппос Константину

31. Первый заявитель, студент, родился в 1954 году; он считается пропавшим без вести с 1974 года. Его отец, второй заявитель, родился в 1929 году и проживал в Никосии.

32. В июле 1973 года первый заявитель был зачислен на военную службу. Его направили в 70-й саперный батальон. 5 августа 1974 г. часть батальона, в которую входил и заявитель, была отправлена с заданием в район Лапитос и Каравас (район Кирении). Мужчины провели ночь в Лапитосе и намеревались завершить миссию на следующее утро.

33. Около 4.30 утра 6 августа 1974 года турецкая армия начала полномасштабную атаку со всех сторон в районе Каравас и Лапитос. Командир группы заявителя приказал своим людям разделиться на три группы и отойти в сторону Василии (также в районе Кирении). Заявитель был в одной из групп, которые намеревались уйти, следуя маршрутом вдоль побережья.

34. Сначала мужчины вышли на главную дорогу Никосии-Кирении возле ресторана «Айркотисса». Во время отдыха они слышали крики, и командир группы отправил заявителя и еще одного солдата на расследование. Поскольку они не вернулись примерно через пятнадцать минут, оставшаяся часть группы уехала в Панагру (также в районе Кирении). По пути они попали в засаду турецких солдат, и оставшаяся группа рассеялась.

35. Костас А. Софоклеус из Никосии заявил, что, когда он находился в заключении в Турции с 30 июля по 28 октября 1974 г., он встречался с заявителем. Они находились в одной и той же тюрьме в Турции и впоследствии были переведены на Кипр, после чего он был освобожден, но не заявитель.

36. Александрос Папамихаэль из Лимассола заявил, что он узнал первого заявителя по фотографии, которую ему показал второй заявитель, и что он находился с ним в тюрьме Аданы.

37. Наконец, второй заявитель упомянул в подписанном заявлении, что он опознал своего пропавшего сына на фотографии, опубликованной в греческой газете *Athinaiki* 28 сентября 1974 года. На этой фотографии заключенные киприоты-греки были изображены на лодке, направлявшейся в Турцию.

(г) Приложение №. 16068/90: Деметрис Теохаридес

38. Первый заявитель, фотограф, родился в 1953 году; он считается пропавшим без вести с 1974 года. Его мать, второй заявитель, родилась в 1914 году и проживала в Никосии.

39. 20 июля 1974 г. первый заявитель был зачислен в резерв. Его направили в 1-ю роту 301-го стрелкового батальона. 22 июля всему батальону было приказано на следующий день выдвинуться в район Айос-Эрмолаоса. 1-я рота заняла оборону на высоте под названием «Каламбаки», недалеко от кипрско-турецкой деревни Пилери.

40. Около 4:30 утра 26 июля 1974 года 1-я рота подверглась атаке со стороны кипрско-турецкой деревни Крини-Пилери. Турецкие вооруженные силы состояли из парашютно-десантного батальона, двадцати танков и дальнобойных орудий. Им удалось прорвать позиции киприотов и проникнуть на правый фланг 1-й роты, чтобы окружить ее. Командир приказал роте перегруппироваться у деревни Сисклепос; оттуда им было приказано перегруппироваться в Контеменосе, куда они прибыли около 15:00. После переклички они обнаружили отсутствие шести солдат 1-й роты, включая заявителя. Район, в котором первоначально дислоцировалась 1-я рота, был захвачен турецкими вооруженными силами.

41. Г-н Никос Николау из Строволоса, находившийся в заключении в Адане в сентябре 1974 г., заявил, что однажды он слышал, как турок назвал имя заявителя. Он также увидел заявителя, которого знал ранее, и заметил, что тот хромотает на одну ногу. 11 сентября 1974 г. г-н Николау был доставлен в тюрьму Антияма в Турции, и с тех пор он не видел заявителя.

(е) Заявка №. 16069/90: Паникос Хараламбус

42. Первый заявитель, студент, родился в 1955 году; он считается пропавшим без вести с 1974 года. Его мать, второй заявитель, родилась в 1935 году и проживала в Лимассоле.

43. В 1972 году первый заявитель поступил на военную службу в Национальную гвардию.

44. 23 июля 1974 г. Андреас Комодромос сообщил отцу заявителя, что заявитель покинул Синчари с людьми штабной роты и направился в Агланджию.

45. 24 июля 1974 г. Никифорос Коминис с семнадцатью солдатами, включая заявителя, выехал из Агландии на двух машинах для разведки местности в районе Кутсовендис-Вунос. Были замечены три автобуса, которые ехали по улице в направлении деревни Вунос. Офицер по имени Вотас приказал трем или четырем солдатам обыскать автобусы. Автобусы были заполнены турецкими солдатами, которые открыли огонь по мужчинам-киприотам-грекам. Заявитель был ранен в правую руку и в левую сторону ребер. Г-н Андреас Комодромос промыл раны водой, зарядил ружье и велел ему возвращаться. После этого сотрудники его подразделения больше не видели заявителя.

46. Согласно показаниям Янниса Мелиссиса, находившегося в плену у турок в Адане и Амасии в сентябре 1974 г., ему довелось встретиться с заявителем во время его плена. Оба они остались вместе с другими в камере №1. с 9 по 18 сентября. Они болтали вместе каждый день и стали друзьями. 18 сентября Яннис Мелиссис был возвращен на Кипр и освобожден 21 сентября 1974 г. Заявитель дал ему письмо для передачи отцу, но оставил его в кармане, когда переодевался. Вся одежда заключенных была сожжена.

47. Второй заявитель в своих показаниях упомянула, что узнала своего сына на фотографии, опубликованной в греческой газете Athinaiki 28 сентября 1974 года, на которой запечатлены кипрские военнопленные, перевозимые в Турцию на турецком эсминце в июле 1974 года.

(f) Приложение №. 16070/90: Элефтериос Тома

48. Первый заявитель, автомеханик, родился в 1951 году; он считается пропавшим без вести с 1974 года. Его отец, второй заявитель, родился в 1921 году и проживал в Строволосе.

49. В июле 1974 г. в ответ на всеобщую мобилизацию первый заявитель был зачислен сержантом запаса в штабную роту 251-го пехотного батальона.

50. 20 июля 1974 г. все солдаты штабной роты, включая заявителя, пытались предотвратить высадку турецкого десанта в районе Пикро Неро, Кирения. Около 12 часов дня 21 июля высадившиеся турецкие вооруженные силы при поддержке танков и прикрытия с воздуха

атаковали кипрские силы, оборонявшие этот район. В связи с превосходством турецких вооруженных сил в живой силе и вооружении 251-му пехотному батальону было приказано отступить в сторону села Тримити. Заявитель присутствовал при перегруппировке батальона. Через два часа после перегруппировки командир батальона вывел своих бойцов из деревни Тримити в ущелье между деревнями Айос-Георгиос и Темплос, где они заняли боевые позиции. В тот же овраг прибыло несколько спецназовцев 33-го батальона. Около 15:00 22 июля 1974 года турецкие вооруженные силы окружили кипрские силы в ущелье и открыли огонь. Командующий приказал контратаковать с намерением прорвать позиции турецких вооруженных сил и отступить в сторону Кирении. Никаких следов заявителя не было обнаружено во время контратаки и отступления.

51. 4 сентября 1974 г. в Бюллетене специальных новостей — ежедневном сообщении администрации киприотов-турок — была опубликована фотография военнопленных киприотов-греков под заголовком «Военнопленные киприотов-греков обедают. Вчера их посетил представитель Турецкого Красного Полумесяца». На этой фотографии первый заявитель был опознан вторым заявителем.

52. Бывший заключенный г-н Эфстатиос Селефку из Элио, ныне находящегося в Эйлендже, в заявлении, подписанном кипрской полицией, сказал, что во время его транспортировки с Кипра в Турцию он видел и разговаривал с первым заявителем, которого он очень хорошо знал, так как они посещали той же средней школы.

(g) Приложение №. 16071/90: Саввас Хаджипантели

53. Первый заявитель, банковский служащий, родился в 1938 году и проживал в г. Ялуза; он считается пропавшим без вести с 1974 года. Его жена, второй заявитель, родилась в 1938 году и проживала в Никосии.

54. 18 августа 1974 года около трех или четырех автомобилей-седанов, автобуса и двух танков, набитых турецкими и кипрско-турецкими солдатами, появились в Ялусе и остановились возле полицейского участка. Солдаты вышли и приказали всем собраться в ближайшей кофейне. Там собралось около тридцати пяти человек. Турецкий офицер сказал им, что с этого времени они будут находиться под турецкой администрацией, и приказал им провести перепись греков-киприотов, проживающих в деревне в возрасте от 7 до 70 лет, и что он вернется на следующий день, чтобы собрать списки. На следующий день вернулась та же гражданская и военная техника (танки). Несколько турок вышли, подошли к кофейне и попросили списки. Другая группа турецких солдат обыскивала дома. Ввели комендантский час и, взяв списки, они взяли с собой для допроса девять человек, включая первого заявителя. Они посадили их в автобус и вывезли за пределы деревни в направлении Фамагусты.

55. В тот же день Ялусу посетили сотрудники Организации Объединенных Наций, которым их односельчане сообщили об аресте девяти киприотов-греков.

56. По словам заявителей, представители Международного комитета Красного Креста («МККК») на Кипре посетили гараж Павлидес в оккупированном турками секторе Никосии и 28 августа 1974 г. девять человек из Ялусы (они цитировали документ EZY284D)¹. Костас М. Каниу, Софрониос Мантис и Иоаннис Д. Константинос также видели указанных задержанных в гараже Павлидес в тот же период, когда они там содержались; они были освобождены позже.

57. 27 августа 1974 года группа гражданских лиц из числа киприотов-турок прибыла в Ялусу в поисках Пентелиса Пантелидеса, Лоизоса Паллариса, Майкла Сергидеса и Кристакиса Панайдеса. Найдя их, они привели их в Сбербанк. Опустошив два сейфа, они приказали открыть третий, но им сказали, что ключи находятся у заявителя. Затем они ушли, закрыв и опечатав наружную дверь. Через десять-двенадцать дней та же группа искала тех же людей и снова отправилась к зданию банка. У них было два ключа от сейфа, которые заявитель всегда носил с собой. Лоизос Палларис открыл сейф. Ключи находились в кожаном футляре, который заявитель носил с собой, но его личные ключи были изъяты. Турки-киприоты забрали содержимое сейфа, опечатали ворота и ушли.

(h) Заявка №. 16072/90: Саввас Апостолидес

58. Первый заявитель, формовщик, родился в 1955 году; он считается пропавшим без вести с 1974 года. Его отец, второй заявитель, родился в 1928 году и проживал в Строволосе.

59. В 1974 году первый заявитель проходил национальную службу в 70-м инженерном батальоне, дислоцированном в Никосии. 5 августа 1974 г. часть батальона, в которую входил и заявитель, была отправлена на задание в район Каравас и Лапитос. Мужчины провели ночь в Лапитосе и намеревались завершить свою миссию на следующее утро. Около 4.30 утра 6 августа 1974 г. турецкие вооруженные силы начали широкомасштабную атаку со всех сторон в районе Караваса и Лапитоса. Командир приказал своим людям разделиться на три группы, отойти к Василии и встретиться там. По пути они попали в засаду турецких вооруженных сил и в суматохе рассеялись.

60. Позже г-н Костас Фемистоклеус из Оморфиты, ныне Никосии, который был заключенным в тюрьме Аданы, увидел там заявителя, которого он знал с детства; это было примерно 17 октября 1974 года,

1. В документе, представленном заявителями, было указано двадцать имен, в том числе имя Савваса Калли, под которым был зарегистрирован этот заявитель (см. пункт 80 ниже).

когда он собирался вернуться на Кипр. Они не разговаривали друг с другом, но махали.

(i) Приложение №. 16073/90: Леонтис Деметриу Сарма

61. Первый заявитель родился в 1947 году; он считается пропавшим без вести с 1974 года. Его жена, второй заявитель, родилась в 1949 году и проживала в Лимассоле.

62. 20 июля 1974 г., после всеобщей мобилизации, первый заявитель был зачислен резервистом в 399-й стрелковый батальон. Его поместили в роту поддержки. 22 июля батальон двинулся в район Миа Милия, чтобы усилить силы киприотов-греков и укомплектовать посты на передовой.

63. Утром 14 августа 1974 г. турецкие вооруженные силы при поддержке танков и авиационного прикрытия предприняли массированную атаку на силы киприотов-греков в районе, где находился заявитель со своим батальоном. Из-за превосходства турецких вооруженных сил линия обороны киприотов-греков была прорвана, турецкие вооруженные силы продвинулись в сторону района Миа Милия, а силы киприотов-греков начали отступление. Район был за короткое время оккупирован турецкими вооруженными силами, и заявитель оказался в ловушке внутри. С тех пор никаких следов заявителя обнаружено не было.

64. Бывший военнопленный г-н Костас Мена из Палаекитро, находящийся в настоящее время в Кораку, заявил, что во время своего содержания под стражей в тюрьме Антияма в Турции он видел заявителя, который содержался в камере № 11. 9. 18 октября 1974 г. все заключенные тюрьмы Антияма были переведены в тюрьму Адана. Там все выстроились в четыре ряда. Турецкий военный отобрал некоторых пленных, в том числе заявителя, которых увезли. С тех пор г-н Мена не видел заявителя.

2. Доводы правительства-ответчика в отношении фактов

65. Правительство-ответчик оспаривало тот факт, что заявители были взяты в плен турецкой армией во время военных действий на Кипре в 1974 году. Оно считало, что неизбежным выводом из информации, представленной в формах заявлений, было то, что все предполагаемые «пропавшие без вести», за исключением Саввас Хаджипантели были военнослужащими, погибшими в бою в период с июля по август 1974 года.

66. Правительство-ответчик отметило, что с момента подачи этих заявлений документы, касающиеся тех же «пропавших без вести лиц», были представлены правительством Кипра в Комитет Организации Объединенных Наций по пропавшим без вести («КПК») на Кипре в 1994 и 1995 годах. В этих файлах не было никаких утверждений о том,

что этих людей видели в какой-либо из тюрем Турции. Имена предполагаемых свидетелей, перечисленных в заявлениях №. 16064/90 (Кристакис Иоанну), 16065/90 (Христодулос Паньи), 16066/90 (Костас А. Софоклеус), 16068/90 (Никос Николау), 16069/90 (Янис Мелиссис), 16070/90 (Эфстатиос Селефку), 16072/90 (Костас Фемистоклеус) и 16073/90 (Костас Мена) не цитировались в поддержку. Таким образом, предполагаемые наблюдения были безосновательными.

67. Что касается Савваса Хаджипантели (№ 16071/90), который был гражданским лицом, Правительство-ответчик отметило, что представители МККК посетили гараж Павлидеса, где он предположительно содержался, но его имя, вопреки утверждению заявителей, не значилось в список киприотов-греков состоялся. В любом случае это был транзитный центр, где людей не задерживали более чем на несколько дней, после чего отпускали или переводили в другое место. В досье, представленном в СМР, была только ссылка на свидетелей, видевших ключевой чемодан, который он якобы всегда носил с собой. Материалы МККК, который регулярно посещал заключенных и интернированных в Турции, также показали, что никто из предполагаемых пропавших без вести не был доставлен в Турцию или задержан.

68. Что касается предполагаемой идентификации пропавших без вести лиц на фотографиях, Правительство указало, что научное исследование некоторых опубликованных фотографий и документальных фильмов было проведено профессором Пьером А. Марго из Института криминалистики и криминологии юридического факультета Университет Лозанны по просьбе третьего члена СМР. Это показало крайне сомнительную возможность опознания кого-либо по этим документам и что любое предполагаемое опознание родственниками было ненадежным, учитывая качество материала и их эмоциональные переживания.

3. Доводы вступившего в дело правительства

69. Правительство Кипра утверждало, что первые заявители пропали без вести в районах, находящихся под контролем турецких сил.

(а) Варнава, нет. 16064/90 и Сарма, №. 16073/90

70. Эти два заявителя были доставлены со своими подразделениями в район Миа Милия для укомплектования кипрских застав вдоль линии фронта. 14 августа 1974 г. турецкие вооруженные силы начали наступление, в результате которого к 16 августа 1974 г. они получили контроль над всем северным и восточным Кипром. Когда турецкие войска прорвали кипрскую линию обороны и продвинулись на Миа Милия, кипрские силы отступили и рассеялись во всех направлениях.

Турецкие силы быстро установили контроль над всей прилегающей территорией. Многие солдаты-греки-киприоты, в том числе двое заявителей, были окружены и окружены. Они не могли бежать, поскольку вмешавшееся правительство знало об их судьбе.

(б) Лонзидес, нет. 16065/90

71. Этот заявитель командовал солдатами, защищавшими Лапитос. После того, как турецкие войска окружили Лапитос, кипрско-греческим силам было приказано отступить. Группа заявителя надела гражданскую одежду и безуспешно пыталась вырваться из села. Когда на следующее утро турецкие войска вошли в деревню, группа заявителя рассеялась, чтобы избежать захвата. Около 21:00 6 августа 1974 г. заявитель был замечен Никосом Т. Тампас на складе ухаживает за солдатом с травмой головы. Позже г-н Тампас был схвачен и задержан. Это было последнее сообщение о том, что он видел первого заявителя. Наиболее вероятно, что первый заявитель остался с раненым мужчиной и был взят под стражу турецкими войсками, которые контролировали весь район. Известно, что только один мужчина сбежал из деревни, и он,

(с) Константину, нет. 16066/90

72. Под атакой турецкой армии отряду первого заявителя было приказано разделиться на три группы и отойти на запад. Группа заявителя выехала на дорогу Никосия-Кирения в 200 метрах от ресторана «Айркотисса». Заявитель и еще один мужчина были отправлены для расследования криков, доносившихся из ресторана. Через пятнадцать минут, когда они не вернулись, группа уехала в Панагру. В то время, когда заявительницу и другого солдата отправили в ресторан, в этом районе находились турецкие войска. Наиболее правдоподобным объяснением того, что двое мужчин не вернулись из-за отсутствия каких-либо звуков боя или стрельбы, было то, что они были задержаны либо для того, чтобы не дать им выдать турецкие позиции, для информации, либо в качестве военнопленных.

(г) Теохариды, нет. 16068/90

73. 26 июля 1974 г. во время переклички было обнаружено, что первый заявитель пропал без вести в своем подразделении после того, как они прорвали окружение турецких войск. Район, в котором дислоцировалось его подразделение, был захвачен турецкими войсками. Что бы ни случилось с заявителем впоследствии, это произошло в районе, контролируемом турецкими войсками.

(е) Хараламбус, нет. 16069/90

74. Этот заявитель был замечен с ранениями в правую руку и в левую часть грудной клетки после столкновения между силами киприотов-греков и тремя автобусами, полными турецких солдат, которые шли из деревни Вунос. Его раны были промыты свидетелем по имени Комодромос, и ему было приказано подняться в гору с двумя другими мужчинами, один из которых также был ранен, к монастырю, где находились силы киприотов-греков. Двое других мужчин были обнаружены мертвыми через два дня после ухода турецких войск. Было ясно, что заявитель либо был найден мертвым турецкими войсками, либо, что более вероятно, был найден и задержан в раненом состоянии.

(f) Тома, нет. 16070/90

75. Этот заявитель был среди тех, кто пытался предотвратить вторжение в Кирению. Некоторые лица были идентифицированы как убитые в ходе операции; заявитель не был среди них. Вмешавшееся правительство не располагало доказательствами того, что этот заявитель был мертв. Следует предположить, что заявитель был задержан живым.

76. Это также подтверждается опубликованной 4 сентября 1974 года в "Специальном бюллетене новостей" ежедневной администрацией киприотов-турок фотографией военнопленных-киприотов-греков, обедающих. Первого заявителя в то время опознал его отец, второй заявитель.

77. В своих замечаниях перед Большой палатой вступившее в дело правительство представило копию заявления Эфстатиоса Селевку от 31 июля 1976 года, сделанного полицейским, в котором говорилось, что во время перевозки в качестве заключенного на корабле из Кипра в Турцию он видел и говорил кратко Элефтериосу Томе, которого он знал со школы. Они также предоставили копию справки Центрального агентства по розыску МККК (исх. № EZG 14023/2), согласно которой Тома был замечен в госпитале турецкой армии в Минцели в середине октября 1974 года.

(g) Хаджипантели, нет. 16071/90

78. К 16 августа 1974 г. турецкие силы контролировали северный и восточный Кипр, включая полуостров Карпас, где первый заявитель работал кассиром в Сберегательном банке в Ялусе. 18 августа в деревню прибыли турецкие и кипрско-турецкие солдаты, и турецкий офицер приказал провести перепись киприотов-греков в возрасте от 7 до 70 лет. На следующий день списки были переданы, и турецкие

солдаты провели обыски. Они уехали, взяв с собой на автобусе девять человек, включая первого заявителя. Об этом сообщили односельчане.

79. Турки-киприоты прибыли в деревню при обстоятельствах, о которых сообщили заявители (см. пункты 54-57 выше). У них было два ключа от сейфа, которые первый заявитель всегда носил с собой. Весьма вероятно, что киприоты-турки получили ключи, сообщив тем, кто удерживает первого заявителя, показав, что он жив и содержится под стражей не менее девяти дней. Были некоторые свидетельства того, что он содержался под стражей после этих девяти дней, по крайней мере, до 28 августа 1974 года, в гараже Павлидес.

80. В списке лиц, которых МККК видел под стражей в гараже Павлидес 28 августа 1974 г., был Саввис Калли, под которым был зарегистрирован первый заявитель (имя написано с ошибкой, а фамилия его отца (Каллис) в удостоверении личности первого заявителя, также с ошибкой).

81. В Большую палату было представлено письменное показание под присягой Лакиса Н. Христолоу, юриста фирмы, представляющей интересы заявителей в настоящем заявлении, от 6 ноября 2007 года. В нем говорилось, что сын пропавшего без вести, г-н Георгиос Хаджипантели, рассказал, что в конце 2005 года он встречался с кипрско-турецкой писательницей, которая сообщила ему, что при расследовании исчезновений она обнаружила доказательства, свидетельствующие о том, что девять пропавших без вести лиц из Ялусы был похоронен недалеко от турецко-кипрской деревни Галатия. Когда сын передал эту информацию КПСС, ему сообщили, что жители Галатии уже передали КПСС информацию о казни и захоронении пленных греков-киприотов недалеко от их деревни.

(з) Апостолидес, нет. 16072/90

82. Этот первый заявитель удалился со своим участком от Лапитоса к Василии. Они попали в засаду турецких вооруженных сил и рассеялись. С тех пор о заявителе не было никаких известий. Вмешавшееся правительство ничего не знало о первом заявителе, а это означало, что он не скрылся. Также не было никаких доказательств того, что он был убит в засаде. Более чем вероятно, что он был задержан турецкими вооруженными силами.

4. Последние разработки

83. В 2007 году в контексте деятельности СМР (см. пункты 86-88 ниже) человеческие останки были эксгумированы из братской могилы недалеко от кипрско-турецкой деревни Галатия в районе Карпас. После антропологического и генетического анализов были идентифицированы останки Савваса Хаджипантели (названного первым заявителем в жалобе № 16071/90), а также останки других

восьми пропавших без вести лиц из деревни Ялуса и двух других пропавших без вести греков-киприотов. Тела девяти пропавших без вести из Ялусы были выстроены в могилу рядом друг с другом, а два других тела лежали сверху близко к поверхности земли. В заключении судебно-медицинской экспертизы от 13 ноября 2007 г. подробно описан процесс эксгумации и отмечено, что это, по-видимому, было первичное и синхронное место захоронения, поскольку состояние тел указывало на то, что они были захоронены с сохранением мягких тканей и находились в непосредственном контакте друг с другом. . Согласно отчету, основной целью анализа человеческих останков была их идентификация.

84. В могиле было обнаружено несколько пуль от огнестрельного оружия. В отношении Савваса Хаджипантели в медицинском заключении о причине смерти, подписанном врачом 12 июля 2007 года, указаны пулевые ранения черепа и правой руки и ранение правого бедра. Его семья была уведомлена, и 14 июля 2007 года состоялись религиозные похороны.

II. ПРИМЕНИМОЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И ПРАКТИКА

А. Комитет Организации Объединенных Наций по делам пропавших без вести («КС/СС»)

1. История

85. СМР был официально создан в 1981 году. Следующие параграфы взяты из отчета Комиссии по четвертому межгосударственному делу (параграфы 181-91):

«181. ... Согласно его кругу ведения, он «должен рассматривать только дела лиц, пропавших без вести в ходе межобщинных столкновений, а также в событиях июля 1974 года и впоследствии». Его задачи были сформулированы следующим образом: «составить исчерпывающие списки пропавших без вести лиц обоих сообществ, указав при необходимости, живы они или мертвы, а в последнем случае и приблизительное время смерти». Далее было указано, что «комитет не будет пытаться возлагать ответственность за смерть каких-либо пропавших без вести лиц или делать выводы относительно причины такой смерти» и что «под эгидой этого комитета не будет проводиться никаких раскопок. Комитет может направлять просьбы об изъятии из могилы в МККК для рассмотрения в соответствии с его обычными процедурами». «Все заинтересованные стороны» обязаны сотрудничать с комитетом, чтобы обеспечить доступ по всему острову для его следственной работы. Ничего не предоставлено в отношении расследований в континентальной Турции или в отношении турецких вооруженных сил на Кипре.

182. СМР состоит из трех членов, один «гуманитарный работник» назначается кипрско-греческой стороной, а другой — кипрско-турецкой стороной, а третий член является «должностным лицом, выбранным МККК... с согласия обеих сторон и назначается Генеральным секретарем Организации Объединенных Наций».

183. В КС/СС нет постоянного председателя, который ежемесячно ротируется между всеми тремя членами. Решения должны приниматься на основе консенсуса, насколько это возможно. Согласно процедурным правилам, согласованным в 1984 году, процедура должна проводиться следующим образом:

1. Индивидуальные или коллективные дела будут представлены СМР со всей возможной информацией. СМР передаст каждый случай стороне, на территории которой исчезло пропавшее лицо; эта сторона проведет полное исследование и представит СМР письменный отчет. Члены СМР, назначенные каждой стороной, или их помощники обязаны следить за расследованиями, проводимыми на территории их стороны; третий член и/или его помощники будут полностью допущены к участию в расследовании.

2. СМР будет принимать решения по делу на основе элементов, предоставленных обеими сторонами и Центральным агентством по розыску МККК: предположительно жив, мертв, исчез без видимых или других отслеживаемых признаков.

3. Если КС/СС не сможет прийти к выводу на основе представленной информации, по запросу члена КС/СС будет проведено дополнительное расследование. В каждом дополнительном расследовании будет участвовать третий член ССС и/или его помощники или, в зависимости от обстоятельств, следователи, нанятые ССС с согласия обеих сторон».

184. Правила 1984 года гласят в качестве «руководящих принципов», что «расследования будут проводиться исключительно в интересах заинтересованных семей и, следовательно, должны их убедить. Будут использованы все возможные средства для установления судьбы пропавших без вести». Семьи пропавших без вести могут обращаться в комитет с сообщениями, которые будут переданы его соответствующему члену. Этот член в конечном итоге предоставит семье «окончательную информацию о судьбе конкретного пропавшего без вести», но ни один из членов комитета не должен предоставлять промежуточную информацию семье пропавшего без вести во время обсуждения конкретного дела.

185. Вся работа и выводы комитета являются строго конфиденциальными, но он может публиковать публичные заявления или отчеты без ущерба для этого правила. В соответствии с процедурными правилами 1984 г. по завершении совещания или серии совещаний будет выпускаться пресс-релиз, а также время от времени будут публиковаться отчеты о ходе работы. Отдельные члены могут делать дополнительные заявления для прессы или средств массовой информации при условии, что они соблюдают правило конфиденциальности, избегают критики или опровержения совместного заявления и любого рода пропаганды.

186. Из-за строгой конфиденциальности процедуры КС/СС отсутствует подробная информация о ходе и результатах ее работы. Однако из соответствующих разделов регулярных отчетов о ходе операции ООН на Кипре, представляемых Генеральным секретарем ООН в Совет Безопасности, следует, что работа комитета началась в мае 1984 г. с ограниченного, равного количества дел с обеих сторон (документ S/16596 от 1 июня 1984 г., п. 51); что к 1986 г. расследование первоначальных 168 отдельных дел достигло продвинутой стадии, дополнительные расследования были начаты по 40 делам, по которым были представлены отчеты (док. S/18102/Add. 1 от 11 июня 1986 г., п. 15); и что, хотя никаких трудностей с организацией бесед или посещений на местах не возникло,

187. Это побудило комитет выпустить 11 апреля 1990 г. объемный пресс-релиз (Док. S/21340/Annex). Там комитет заявил, что считает сотрудничество свидетелей абсолютно необходимым, но что свидетели часто неохотно, не желают или не могут предоставить полную информацию о том, что им известно об исчезновении пропавшего без вести человека. Однако комитет не смог заставить свидетеля говорить. Нежелание свидетелей давать показания объяснялось тем, что они боялись уличить себя или других в исчезновении, и это несмотря на то, что свидетели были предупреждены комитетом, что предоставленная информация будет строго конфиденциальной, и их заверили, что они «не будут раскрыты». подлежат любой форме полицейского или судебного преследования». Комитет призвал заинтересованные стороны поощрять свидетелей к тому, чтобы они давали как можно более полную информацию. Далее в нем говорилось:

«Чтобы еще больше развеять опасения свидетелей, комитет, чтобы дать свидетелям самые серьезные гарантии, изучает меры, которые можно было бы принять для обеспечения того, чтобы они были защищены от возможного судебного и / или полицейского разбирательства исключительно в в связи с вопросом о пропавших без вести лицах и за любое заявление, письменное или устное, сделанное комитету в ходе осуществления деятельности в рамках его мандата».

188. В том же пресс-релизе комитет указал, что считает законным желание семей получить опознаваемые останки пропавших без вести. Однако, несмотря на систематические расследования мест захоронения пропавших без вести, с обеих сторон это не увенчалось успехом. Он напомнил, что в соответствии со своим кругом ведения он не может сам распоряжаться о раскопках. Более того, несмотря на доступ ко всем имеющимся доказательствам, комитет не достиг стадии нахождения общего знаменателя для оценки ценности этих доказательств. Наконец, комитет заявил, что он рассматривает возможность запросить у обеих сторон основную информацию, касающуюся файлов всех пропавших без вести лиц, с тем чтобы он мог получить общее представление обо всей проблеме.

189. В декабре 1990 г. Генеральный секретарь ООН написал письмо лидерам обеих сторон, отметив, что до сих пор комитету были предоставлены подробности только примерно по 15% дел, и призвал их представить все дела. Он также подчеркнул важность достижения консенсуса по критериям, которые обе стороны будут готовы применять в своих соответствующих расследованиях. Кроме того, комитету следует рассмотреть способы передачи пострадавшим семьям любой имеющейся значимой информации (документ S/24050 от 31 мая

1992 г., п. 38). 4 октября 1993 г. в еще одном письме лидерам обеих общин Генеральный секретарь ООН отметил, что никаких улучшений не произошло и что международное сообщество не поймет, что комитет спустя девять лет после того, как он начал свою работу, по-прежнему не может эффективно функционировать. Только 210 дел были представлены кипрско-греческой стороной и только 318 - кипрско-турецкой стороной. Он вновь призвал обе стороны без дальнейшего промедления представить все дела, а комитету прийти к консенсусу по критериям завершения расследования (документ S/26777 от 22 ноября 1993 г., пп. 88-90).

190. 17 мая 1995 г. Генеральный секретарь ООН на основании доклада третьего члена КС/СС и предложений обеих сторон выдвинул компромиссные предложения по критериям завершения расследований (док. S/1995/488, от 15 июня 1995 г., п. 47), которые впоследствии были приняты обеими сторонами (документ S/1995/1020 от 10 декабря 1995 г., п. 33). К декабрю 1995 года кипрско-греческая сторона представила все материалы своих дел (1493). Однако третий член комитета ушел в отставку в марте 1996 г., и Генеральный секретарь ООН поставил условием назначения нового члена, который должен решить некоторые нерешенные вопросы, включая классификацию дел, последовательность расследований, приоритеты и оперативный сбор информации по делам без известных свидетелей, должны быть урегулированы заранее (документ S/1996/411 от 7 июня 1996 г., п. 31). После неоднократных призывов решить эти вопросы (документ S/1997/437 от 5 июня 1997 г., пп. 24-25) обе стороны в конце концов пришли к соглашению 31 июля 1997 г. об обмене информацией о местонахождении могил, пропавших без вести и возвращении их останков. Они также просили о назначении нового третьего члена КС/СС (документ S/1997/962 от 4 декабря 1997 г., пункты 21 и 29-31). Однако к июню 1998 года не было достигнуто никакого прогресса в реализации этого соглашения. Генеральный секретарь ООН отметил в этом контексте, что кипрско-турецкая сторона утверждала, что жертвы государственного переворота против архиепископа Макариоса в 1974 году были среди лиц, числящихся пропавшими без вести, и что эта позиция отклонялась от соглашения (Док. S/1998). /488 от 10 июня 1998 г., п. 23). обе стороны в конце концов пришли к соглашению 31 июля 1997 года об обмене информацией о местонахождении могил пропавших без вести лиц и возвращении их останков. Они также просили о назначении нового третьего члена КС/СС (документ S/1997/962 от 4 декабря 1997 г., пункты 21 и 29-31). Однако к июню 1998 года не было достигнуто никакого прогресса в реализации этого соглашения. Генеральный секретарь ООН отметил в этом контексте, что кипрско-турецкая сторона утверждала, что жертвы государственного переворота против архиепископа Макариоса в 1974 году были среди лиц, числящихся пропавшими без вести, и что эта позиция отклонялась от соглашения (Док. S/1998). /488 от 10 июня 1998 г., п. 23). Они также просили о назначении нового третьего члена КС/СС (документ S/1997/962 от 4 декабря

1997 г., пункты 21 и 29-31). Однако к июню 1998 года не было достигнуто никакого прогресса в реализации этого соглашения. Генеральный секретарь ООН отметил в этом контексте, что кипрско-турецкая сторона утверждала, что жертвы государственного переворота против архиепископа Макариоса в 1974 году были среди лиц, числящихся пропавшими без вести, и что эта позиция отклонялась от соглашения (Дос. S/1998). /488 от 10 июня 1998 г., п. 23). Они также просили о назначении нового третьего члена КС/СС (документ S/1997/962 от 4 декабря 1997 г., пункты 21 и 29-31). Однако к июню 1998 года не было достигнуто никакого прогресса в реализации этого соглашения. Генеральный секретарь ООН отметил в этом контексте, что кипрско-турецкая сторона утверждала, что жертвы государственного переворота против архиепископа Макариоса в 1974 году были среди лиц, числящихся пропавшими без вести, и что эта позиция отклонялась от соглашения (Дос. S/1998). /488 от 10 июня 1998 г., п. 23).

191. На момент подготовки доклада Комиссии был назначен новый третий член КС/СС (там же, пункт 24). Комитет не завершил свое расследование, и, соответственно, семьи пропавших без вести не были проинформированы о судьбе последних».

2. Эксгумации и опознание останков

86. С августа 2006 года СМР начал масштабный проект эксгумации на выявленных местах захоронения с целью идентификации останков тел и обеспечения их возвращения их семьям. Также было создано специальное подразделение для предоставления информации семьям.

87. Согласно информации, предоставленной государством-ответчиком, было обнаружено 430 комплектов останков; 275 останков переданы на анализ и идентификацию в антропологическую лабораторию; с июня 2007 г. было опознано 105 тел (76 киприотов-греков, 29 киприотов-турок); к 13 марта 2008 г. было закрыто 84 дела о пропавших без вести; к моменту судебного заседания 5% пропавших без вести были идентифицированы, а их останки возвращены родственникам для захоронения; к 10 сентября 2008 г. двухобщинные группы посетили 180 объектов (155 на севере, 25 на юге)¹.

3. Решение Комитета министров Совета Европы от 19 марта 2009 г.

88. В ходе продолжающегося процесса наблюдения по делу Кипр против Турции ([GC], № 25781/94, ECHR 2001IV) Комитет министров рассмотрел вопрос о пропавших без вести лицах и, в частности:

«2. считает крайне важным, чтобы текущая работа КС/СС выполнялась в наилучших возможных условиях и без задержек;

1. Первая группа идентифицированных останков состояла из тринадцати киприотов-турок в Алеминьо; впоследствии были идентифицированы двадцать два киприота-грека в Казафани, Ливадии и Сандаларисе и шесть киприотов-турок в районе Фамагусты. С тех пор их имена были удалены из списка пропавших без вести.

3. как следствие, подтверждая, что исполнение решения требует эффективных расследований, отмечает, что они не должны ставить под угрозу миссию СМР;

4. считал, что последовательность мер, которые должны быть предприняты в рамках эффективных расследований, и проведение работы КС/СС должны учитывать эти две основные цели;

5. в любом случае подчеркнул настоятельную необходимость принятия турецкими властями конкретных мер с учетом эффективных расследований, требуемых решением, в частности, в отношении доступа СМР ко всей соответствующей информации и местам;

6. в этом контексте подчеркнул, кроме того, важность сохранения всей информации, полученной в ходе Программы эксгумации и идентификации, осуществляемой СМР; ...”

В. Международно-правовые документы о насильственных исчезновениях

1. Декларация Организации Объединенных Наций о защите всех лиц от насильственных исчезновений (1/Res/47/133, 18 декабря 1992 г.)

89. Декларация предусматривает, в частности:

Статья 1

«1. Акт насильственного исчезновения является оскорблением человеческого достоинства. Оно осуждается как отрицание целей Устава Организации Объединенных Наций и как серьезное и вопиющее нарушение прав человека и основных свобод, провозглашенных во Всеобщей декларации прав человека и подтвержденных и развитых в международных документах в этой области.

2. Любой акт насильственного исчезновения лишает пострадавших от защиты закона лиц и причиняет им и их семьям тяжелые страдания. Оно представляет собой нарушение норм международного права, гарантирующих, в частности, право на признание правосубъектности, право на свободу и личную неприкосновенность и право не подвергаться пыткам и другим жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство обращению или наказанию. Это также нарушает или представляет собой серьезную угрозу праву на жизнь».

Статья 2

«1. Ни одно государство не должно практиковать, разрешать или мириться с насильственными исчезновениями.

2. Государства должны действовать на национальном и региональном уровнях и в сотрудничестве с Организацией Объединенных Наций, чтобы всеми

средствами способствовать предотвращению и искоренению насильственных исчезновений».

Статья 3

«Каждое государство принимает эффективные законодательные, административные, судебные или иные меры для предотвращения и прекращения актов насильственного исчезновения на любой территории, находящейся под его юрисдикцией».

Статья 17

«1. Действия, представляющие собой насильственное исчезновение, считаются длящимся преступлением до тех пор, пока виновные лица продолжают скрывать судьбу и местонахождение исчезнувших лиц и эти факты остаются невыясненными.

2. Когда средства правовой защиты, предусмотренные в статье 2 Международного пакта о гражданских и политических правах, перестают действовать, течение срока давности в отношении актов насильственного исчезновения приостанавливается до тех пор, пока эти средства правовой защиты не будут восстановлены.

3. Сроки давности, если они существуют, в отношении актов исчезновения должны быть существенными и соизмеримыми с крайней серьезностью преступления».

Статья 19

«Жертвы актов насильственного исчезновения и их семьи должны получить возмещение и имеют право на адекватную компенсацию, включая средства для максимально полной реабилитации. В случае смерти жертвы в результате акта насильственного исчезновения их иждивенцы также имеют право на компенсацию».

90. Рабочая группа Организации Объединенных Наций по насильственным или недобровольным исчезновениям опубликовала, среди прочего, следующие общие комментарии к вышеуказанной Декларации:

«Общий комментарий к статье 17 Декларации (E/CN.4/2001/68/18, декабрь 2000 г.)

...

27. Статья 17 устанавливает основные принципы, призванные прояснить характер насильственных исчезновений и их уголовных последствий. Смысл и общая цель статьи заключается в обеспечении условий, при которых лица, ответственные за действия, представляющие собой насильственное исчезновение, будут привлечены к ответственности в рамках ограничительного подхода к срокам давности, установленным законом. ...

28. Определение «длящегося преступления» (пункт 1) имеет решающее значение для установления ответственности государственных органов. Более того, эта статья накладывает очень ограничительные условия. Статья предназначена для предотвращения использования сроков давности лицами, совершившими эти преступные деяния. ...»

«Общий комментарий к статье 19 Декларации (5/CN.4/1998/43, 12 января 1998 г.)

72. В статье 19 также прямо упоминается право потерпевших и их семей на «адекватную компенсацию». Таким образом, государства обязаны принимать законодательные и иные меры, позволяющие жертвам требовать компенсации в судах или специальных административных органах, уполномоченных предоставлять компенсацию. Помимо жертв, переживших исчезновение, их семьи также имеют право на компенсацию за страдания во время исчезновения, а в случае смерти жертвы право на компенсацию имеют его или ее иждивенцы.

73. Компенсация должна быть «адекватной», т.е. соразмерной тяжести нарушения прав человека (например, периоду исчезновения, условиям содержания под стражей и т. д.) и страданиям жертвы и семьи. Денежная компенсация предоставляется за любой ущерб, возникший в результате насильственного исчезновения, такой как физический или психический вред, упущенные возможности, материальный ущерб и потеря заработка, ущерб репутации и расходы, необходимые для юридической или экспертной помощи. Гражданские требования о возмещении ущерба не должны ограничиваться законами об амнистии, ставиться в зависимость от сроков исковой давности или уголовных санкций, налагаемых на виновных.

74. Право на адекватную компенсацию за акты насильственного исчезновения в соответствии со статьей 19 следует отличать от права на компенсацию за произвольные казни. Другими словами, право на компенсацию в связи с актом насильственного исчезновения не может быть обусловлено смертью жертвы. «В случае смерти потерпевшего в результате акта насильственного исчезновения» иждивенцы, однако, имеют право на дополнительную компенсацию в силу последнего предложения статьи 19. Если смерть потерпевшего не может быть установлена посредством эксгумации или аналогичных форм доказательства государства обязаны предусмотреть соответствующие юридические процедуры, ведущие к презумпции смерти или аналогичному правовому статусу жертвы, который дает иждивенцам право на осуществление своего права на компенсацию. ...

2. Международная конвенция для защиты всех лиц от насильственных исчезновений (2006 г.)¹

91. Настоящая Конвенция предусматривает, в частности:

1. Настоящая Конвенция была открыта для подписания в феврале 2007 года. Она вступит в силу «на тридцатый день после даты сдачи на хранение Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций двадцатой ратификационной грамоты или документа о присоединении». Только пять государств ратифицировали Конвенцию (Албания, Аргентина, Франция, Гондурас и Мексика).

Статья 1

«1. Никто не может быть подвергнут насильственному исчезновению.

2. Никакие исключительные обстоятельства, будь то состояние войны или угроза войны, внутренняя политическая нестабильность или любое другое чрезвычайное положение, не могут служить оправданием насильственного исчезновения».

Статья 2

«Для целей настоящей Конвенции «насильственным исчезновением» считается арест, задержание, похищение или лишение свободы в любой другой форме представителями государства или лицами или группами лиц, действующими с разрешения, при поддержке или с молчаливого согласия государства с последующим отказом признать факт лишения свободы или сокрытием информации о судьбе или местонахождении исчезнувшего лица, что лишает такое лицо защиты закона».

Статья 3

«Каждое государство-участник принимает надлежащие меры для расследования действий, определенных в статье 2, совершенных лицами или группами лиц, действующими без разрешения, поддержки или молчаливого согласия государства, и для привлечения виновных к ответственности».

Статья 4

«Каждое государство-участник принимает необходимые меры для обеспечения того, чтобы насильственное исчезновение квалифицировалось как преступление в соответствии с его уголовным законодательством».

Статья 5

«Широко распространенная или систематическая практика насильственных исчезновений представляет собой преступление против человечности согласно определению в применимом международном праве и влечет за собой последствия, предусмотренные таким применимым международным правом».

Статья 8

«Без ущерба для статьи 5,

1. Государство-участник, применяющее срок давности в отношении насильственного исчезновения, принимает необходимые меры для обеспечения того, чтобы срок давности для уголовного преследования:

а) имеет длительную продолжительность и соразмерна крайней серьезности этого преступления;

b) начинается с момента прекращения преступления насильственного исчезновения, принимая во внимание его длящийся характер.

2. Каждое государство-участник гарантирует право жертв насильственного исчезновения на эффективное средство правовой защиты в течение срока давности».

3. Межамериканская конвенция о насильственном исчезновении лиц (1994 г.)

92. Настоящая Конвенция предусматривает, в частности:

Статья 1

«Государства-участники настоящей Конвенции обязуются:

а. Не практиковать, не разрешать и не допускать насильственного исчезновения людей, даже в условиях чрезвычайного положения или приостановки действия индивидуальных гарантий;

б. Наказывать в пределах своей юрисдикции тех лиц, которые совершают или пытаются совершить преступление насильственного исчезновения людей и их сообщников и пособников;

в. Сотрудничать друг с другом, помогая предотвращать, наказывать и ликвидировать насильственные исчезновения людей;

д. Принимать законодательные, административные, судебные и любые другие меры, необходимые для выполнения обязательств, взятых в настоящей Конвенции».

Статья 2

«Для целей настоящей Конвенции насильственным исчезновением считается акт лишения лица или лиц его или их свободы любым способом, совершенный представителями государства или лицами или группами лиц, действующими с разрешения, поддержке или молчаливом согласии государства с последующим отсутствием информации или отказом признать факт лишения свободы или предоставить информацию о местонахождении этого лица, что препятствует его или ее обращению к применимым средствам правовой защиты и процессуальным гарантиям».

Статья 3

«Государства-участники обязуются принять в соответствии со своими конституционными процедурами законодательные меры, которые могут потребоваться для квалификации насильственного исчезновения людей в качестве правонарушения и назначения соответствующего наказания, соразмерного его крайней тяжести. Это правонарушение считается длящимся или постоянным до тех пор, пока судьба или местонахождение потерпевшего не будут установлены...»

С. Прецедентное право, касающееся юрисдикции *ratione temporis* в делах об исчезновениях, рассматриваемых другими международными органами

1. Межамериканский суд по правам человека («МСПЧ»)

93. МКПЧ установила, что процессуальные обязательства возникают в отношении убийств и исчезновений в соответствии с несколькими положениями Американской конвенции о правах человека («Американская конвенция»). Во многих случаях, в частности в тех, где не была нарушена материально-правовая часть статьи 4 (право на жизнь), МАКПЧ самостоятельно рассматривала такие процессуальные жалобы в соответствии со статьей 8, которая, в отличие от Конвенции, гарантирует право на справедливое судебное разбирательство для определение прав и обязанностей любого характера, и статья 25, защищающая право на судебную защиту, взятая в совокупности со статьей 1 § 1 (обязанность уважать права). МАКПЧ придерживалась последнего подхода в случаях, когда убийство или исчезновение имели место до признания его юрисдикции государством-ответчиком.

94. В деле Блейк против Гватемалы IACHR пришлось иметь дело с исключением *ratione temporis*, выдвинутым правительством в этом деле, поскольку само исчезновение произошло до критической даты (признание обязательной юрисдикции в 1987 г.). Суд счел, что насильственные исчезновения подразумевают нарушение различных прав человека и что последствия таких нарушений — даже если некоторые из них могли быть завершены — «могут продолжаться непрерывно или постоянно до тех пор, пока не будет установлена судьба или местонахождение жертвы» (см. Blake, 2 июля 1996 г., предварительные возражения, § 39).

95. Судьба или местонахождение г-на Блейка не были известны его семье до 14 июня 1992 г., после даты, когда Гватемала признала юрисдикцию суда. Это привело к тому, что IACHR объявила себя компетентной *ratione temporis* для изучения «последствий и действий» после критической даты. Тем не менее, он принял предварительное возражение правительства в отношении лишения г-на Блейка свободы

и его убийства, которое было завершено до критической даты и само по себе не могло считаться продолжающимся.

96. В своем решении по существу дела (24 января 1998 г., стр. 54) МАКПЧ сочла исчезновение знаменем начала «продолжающейся ситуации». Он приступил к рассмотрению жалобы по статье 8 в отношении пункта 1 статьи 1 и заявил, что Гватемала нарушила право родственников г-на Блейка на эффективное расследование его исчезновения и смерти, на судебное преследование и наказание виновных, где это уместно, и на компенсации, несмотря на отсутствие временной компетенции для рассмотрения жалоб по существу.

97. МАКПЧ пришла к аналогичному выводу в случаях исчезновений, в которых местонахождение жертвы так и не было установлено. В деле «Сестры Серрано-Крус против Сальвадора» (решение от 23 ноября 2004 г., предварительные возражения) суд пришел к выводу, что он не обладает компетенцией рассматривать в соответствии со статьями 4, 5 и 7 (право на личную свободу) исчезновения сестер, как таковые, поскольку они якобы имели место за тринадцать лет до того, как Сальвадор признал спорную юрисдикцию суда. Он пришел к такому же выводу в отношении процессуальных нарушений, на которые ссылалась Межамериканская комиссия в соответствии со статьей 4, поскольку они были связаны с предполагаемым насильственным исчезновением (§ 95). Однако, МКПЧ сочла, что все факты, имевшие место после критической даты и относящиеся к статьям 8 и 25 Конвенции (подача ходатайства о habeas corpus, уголовное преследование), не были исключены установленным государством сроком давности, поскольку они представляли собой «независимые факты» или «конкретные и самостоятельные нарушения, касающиеся отказа в правосудии» (§ 85). По существу он заявил, что государство нарушило статьи 8 и 25 Конвенции в ущерб обеим сестрам и их ближайшим родственникам (решение от 1 марта 2005 г.).

98. В недавнем решении по делу Хелиодоро Португалия против Панама от 12 августа 2008 года суд Сан-Хосе провел четкое различие между насильственными исчезновениями и внесудебными казнями для целей своей юрисдикции *ratione temporis*. Дело касалось насильственного исчезновения в 1970 году (за двадцать лет до того, как Панама признала обязательную юрисдикцию суда) Хелиодоро Португалия, останки которого были обнаружены в 2000 году. Было сочтено, что жертва должна считаться умершей до даты признания юрисдикции суда. (9 мая 1990 г.) в связи с тем, что с момента его исчезновения прошло двадцать лет. Он охарактеризовал внесудебное убийство как мгновенное действие и принял предварительное исключение правительства в отношении права на жизнь (статья 4).

Однако, что касается насильственного исчезновения как такового,¹. По существу дела МАКПЧ установила нарушение права на свободу (статья 7) и нарушение статей 1 и 2 Межамериканской конвенции о насильственном исчезновении лиц в отношении умершего. Он также установил нарушение статей 5 (право на гуманное обращение), 8 и 25 в отношении его родственников.

2. Комитет ООН по правам человека («КПЧ»)

99. Что касается насильственных исчезновений, КПЧ признал «степень страданий, связанных с бессрочным содержанием под стражей без контакта с внешним миром», и постановил, что они представляют собой «жестокое и бесчеловечное обращение», противоречащее статье 7 Международного пакта о гражданских и политических правах («Пакт») в отношении исчезнувших². Исчезновения часто приводили к нарушению права на жизнь, закрепленного в статье 6 Пакта. В Замечании общего порядка № 6 о праве на жизнь КПЧ заявил:

«Государства-участники также должны принять конкретные и эффективные меры для предотвращения исчезновения людей, что, к сожалению, стало слишком частым и слишком часто приводит к произвольному лишению жизни. Кроме того, государствам следует создать эффективные средства и процедуры для тщательного расследования случаев пропажи без вести и исчезновения лиц при обстоятельствах, которые могут быть связаны с нарушением права на жизнь».³

100. В ряде случаев КПЧ установил, что имело место нарушение статьи 6 Пакта, но не смог принять окончательное решение по этому поводу в связи с отсутствием подтверждения смерти.⁴ Исчезновения также могут привести к нарушению статей 9 (право на свободу и личную неприкосновенность), 10 (право всех лиц, лишенных свободы, на гуманное обращение и уважение достоинства, присущего человеческой личности) и 7 в отношении родственникам пропавших без вести ввиду стресса, страданий и неуверенности, вызванных исчезновением⁵.

101. Позитивное обязательство расследовать исчезновения (упомянутое в Замечании общего порядка о праве на жизнь) также

1. Последние два обязательства вытекают не только из Межамериканской конвенции, но также из Межамериканской конвенции о насильственном исчезновении лиц (1994 г.) и Межамериканской конвенции о предупреждении пыток и наказании за них (1985 г.), на которые можно ссылаться перед Судом в соответствии со статьей 29 (d) Межамериканской конвенции.

2. См. Сарма против Шри-Ланки, 16 июля 2003 г., § 9.5. См. также дело Эдрис Эль Хасси против Ливийской Арабской Джамахирии, 24 октября 2007 г., § 6.8.

3. Замечание общего порядка № 6 (1982 г.), § 4.

4. См. Блейер против Уругвая, 29 марта 1982 г., § 14.

5. См. Edriss El Hassy против Ливийской Арабской Джамахирии, § 7.

может быть нарушено в делах такого рода; в таких ситуациях может иметь место нарушение пункта 3 статьи 2 (в котором закреплено право на эффективное средство правовой защиты) в сочетании со статьей 6. КПЧ в Замечании общего порядка № 31 к пунктам 2 и 3 статьи 2 Пакта подчеркнул, что непроведение расследования серьезных нарушений, таких как насильственные исчезновения или пытки, а также непривлечение к ответственности лиц, виновных в таких нарушениях, может привести к отдельному нарушению Пакта. Таким образом, Комитет был уполномочен установить нарушение статей 6, 7 и 9 в совокупности с пунктом 3 статьи 2 Пакта.¹

102. Однако если исчезновение произошло до даты вступления в силу Пакта или Факультативного протокола для государства, подход КПЧ к вопросу о том, обладает ли оно временной юрисдикцией, за последние годы изменился.

103. В делах о пропавших без вести лицах в Аргентине (С.Э. против Аргентины, 4 апреля 1990 г.) Комитет пришел к выводу, что пункт 3 статьи 2 Пакта не может быть нарушен государством-участником в отсутствие юрисдикции в отношении существенного нарушения. В деле «Мария Отилия Варгас против Чили» от 26 июля 1999 года КПЧ объявил сообщение неприемлемым *ratione temporis* в отношении сына автора, тело которого так и не было обнаружено после его смерти в 1973 году. Комитет постановил, что решение Верховного суда от 1995 года, Жалоба автора в отношении применения постановления об амнистии 1978 года не может рассматриваться как новое событие, которое могло затронуть права лица, убитого в 1973 году, до вступления в силу Пакта на международном уровне и вступления в силу Факультативный протокол для Чили.

104. В деле Сарма против Шри-Ланки, 16 июля 2003 года, автор утверждал, что его сына увели военнослужащие в июне 1990 года, а последний раз его видели в октябре 1991 года. Шри-Ланка стала участником Факультативного протокола в октябре 1997 года с заявлением, ограничивающее компетенцию Комитета фактами, возникшими после этой даты. Комитет установил, что, хотя первоначальное похищение произошло за пределами их временной юрисдикции, «предполагаемые нарушения Пакта, если они подтвердятся по существу, могли иметь место или продолжаться после вступления в силу Факультативного протокола».² Далее Комитет установил нарушение статей 7 и 9 в отношении сына и статьи 7 в отношении автора и его жены из-за их страданий и стресса из-за того, что они не знали о местонахождении своего сына. КПЧ также подчеркнул, что в соответствии с пунктом 3 статьи 2 государство

1. См. *Mr. Farag Mohammed El Alwani v. 7* в отношении родственника.

2. См. § 6.2.

обязано «предоставить автору и его семье эффективное средство правовой защиты, включая тщательное и эффективное расследование исчезновения и судьбы сына автора...»¹ что подразумевает, что государство может быть обязано расследовать дела, имевшие место до вступления в силу Факультативного протокола. Наконец, он воздержался от установления нарушения статьи 6, поскольку автор не оставлял надежды на возвращение своего сына.

105. Однако в деле Юрич против Чили от 2 ноября 2005 г. Комитет, хотя и охарактеризовал насильственное исчезновение как длящееся действие, отметил, что первоначальные акты ареста и похищения, а также отказ предоставить информацию о лишении свободы имели место до вступления в силу Пакта для Чили. КПЧ далее счел, что автор не упомянул о каких-либо действиях государства после решающей даты (вступление в силу Факультативного протокола), которые представляли бы собой «подтверждение насильственного исчезновения». По этим причинам он объявил жалобу неприемлемой.

106. Совсем недавно Мариам Санкара и соавт. против Буркина-Фасо, 28 марта 2006 г. (см. Приложение III, стр. 52), КПЧ применил этот подход акта подтверждения, а также изменил свой анализ, рассматривая неспособность расследовать смерть, имевшую место до критической даты. Хотя суд установил, что он не обладает юрисдикцией *ratione temporis* в отношении смерти г-на Санкары, он продолжил рассмотрение последующего судебного разбирательства и отказа исправить его смертный приговор (в котором причина смерти была указана как естественная) и их последствия для жены г-на Санкары и двое детей. Он установил, что не было проведено расследование смерти г-на Санкары, не были привлечены к ответственности виновные и не были завершены судебные разбирательства, начатые автором для исправления этой ситуации. Он пришел к выводу, что судебное разбирательство было продлено по вине властей, задержка, продолжающаяся после вступления в силу Пакта и Факультативного протокола. Таким образом, на авторов повлияли бездействие властей после его вступления в силу, и это дало Комитету юрисдикцию *ratione temporis* в отношении жалобы по статье 7.

107. По существу дела Комитет пришел к выводу, что «отказ в проведении расследования смерти Томаса Санкары, отсутствие официального признания места его захоронения и неисправление свидетельства о смерти представляют собой бесчеловечное обращение с г-жой Санкарой». и ее сыновей в нарушение статьи 7 Пакта».²

1. См. § 11.

2. См. § 12.2.

ЗАКОН

I. СТАТУС ПРОПАВШИХ МУЖЧИН, НАЗВАННЫХ ПЕРВЫМИ ЗАЯВИТЕЛЯМИ

A. Заявления в Суд

108. Правительство-ответчик утверждало, что установленная прецедентная практика по делам об исчезновениях показала, что по прошествии определенного времени существовала презумпция смерти (см., например, Тимурташ против Турции, № 23531/94, § 83, ECHR 2000VI – презумпция смерти через шесть с половиной лет). Учитывая ситуацию вооруженного конфликта в то время, отсутствие каких-либо достоверных доказательств того, что пропавшие без вести лица были замечены после окончания боевых действий и по прошествии времени, презумпция смерти в соответствии с неизменной прецедентной практикой Суда, а также национальная практика, в этом контексте кипрское законодательство предусматривает, что лицо может быть объявлено умершим, если о нем не было никаких известий в течение десяти лет.

109. Заявители утверждали, что не было оснований предполагать, что пропавшие без вести мужчины были мертвы или умерли в 1974 году. Внутреннее законодательство Кипра допускало установление презумпции смерти только по заявлению лиц, обладающих необходимой дееспособностью, в то время как в упомянутых Страсбургских делах Правительством-ответчиком сами заявители просили Суд сделать вывод о презумпции смерти, чтобы подтвердить утверждения о существенных нарушениях.

110. Вмешавшееся кипрское правительство опровергло утверждение о том, что пропавших без вести мужчин следует считать погибшими. Такая презумпция могла быть сделана только по просьбе заявителей.

B. Выводы Суда

111. Суд отмечает, что доводы сторон о том, могут ли пропавшие без вести мужчины считаться умершими, были сделаны в контексте его компетенции *ratione temporis*, но отмечает, что они также имеют отношение к вопросу о статусе первых заявителей. В соответствии с практикой Суда и в соответствии со статьей 34 Конвенции жалобы могут быть поданы только живыми лицами или от их имени. Если лицо умирает после подачи заявления, его или ее наследники могут

добиваться продолжения применения без изменения названия заявления. Если предполагаемая жертва нарушения умерла до подачи заявления, лицо, имеющее необходимый юридический интерес как ближайший родственник, может подать заявление с жалобой на смерть; однако, заявление зарегистрировано на собственное имя родственника (см. о правоспособности подавать заявления, *Fairfield против Соединенного Королевства* (реш.), № 24790/04, ECHR 2005VI). Суд отмечает, что в его предыдущих решениях по делам об исчезновениях в качестве заявителей назывались только родственники исчезнувшего лица.

112. Что касается пропавших без вести мужчин в этих заявлениях, то необходимо, во-первых, отметить, что останки Савваса Хаджипантели были обнаружены в 2007 году в братской могиле недалеко от Галатии на территории «Турецкой Республики Северного Кипра». Ни в судебно-медицинских заключениях, ни в документах судебно-медицинской экспертизы не содержится никаких указаний на приблизительную дату и время смерти, хотя немногочисленные данные подтверждают гипотезу о внесудебной казни заключенных во время или примерно во время военных действий в 1974 году. Во-вторых, не было обнаружено или известие о восьми других пропавших без вести мужчинах с конца 1974 г. Суд, однако, не считает необходимым принимать решение о том, должны ли пропавшие без вести мужчины быть или не должны быть допущены к статусу заявителей, поскольку, в любом случае,

113. Суд удовлетворен тем, что он может продолжить рассмотрение этих заявлений на том основании, что родственники пропавших без вести лиц, подавшие эти жалобы, являются заявителями для целей статьи 34 Конвенции.

II. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА ОТВЕЧАТЕЛЯ

A. Отсутствие законного интереса

114. Правительство-ответчик утверждало на слушаниях, что не было юридического интереса в рассмотрении этих заявлений. Указав, что исчезновения всех пропавших без вести греков-киприотов были предметом изучения и выявления нарушений в четвертом межгосударственном деле, они сослались на статью 35 § 2 (b), которая запрещает рассмотрение жалоб, которые были «по существу одинаковыми». Они также сослались на статью 37 § 1 (c), которая позволяла Суду исключить дело из списка, если «по любой другой

причине Суд не находит более оправданным продолжение рассмотрения жалобы».

115. Заявители ответили, что межгосударственное дело не включает их претензии, которые были индивидуальными и отличными, и что не было оснований для применения статьи 37 § 1 (с).

116. Правительство, вступившее в дело, считало, что причина, объект и стороны не были идентичными и что не было оснований для отклонения жалоб на этих основаниях.

117. Суд отмечает, что в своем решении о приемлемости этих жалоб Комиссия оставила открытым общий вопрос о том, было ли ей запрещено в соответствии с прежней статьей 27 § 1 (b) рассматривать в контексте индивидуальной жалобы «вопрос», который уже был рассмотрен. рассмотрены в рамках межгосударственного дела (см. Варнава и другие против Турции, №№ 16064/90, 16065/90, 16066/90, 16068/90, 16069/90, 16070/90, 16071/90, 16072/90 и 16073/90, Решение Комиссии от 14 апреля 1998 г., Решения и отчеты (DR) 93-А, стр. 5, со ссылкой на дело Доннелли и другие против Соединенного Королевства, № 5577/72-5583/72, Решение Комиссии от 5 апреля 1973 г., Ежегодник 16, стр. 212).

118. С тех пор было вынесено решение по четвертому межгосударственному делу (Кипр против Турции [БП], № 25781/94, ЕСПЧ 2001-IV), и действительно, оно включало установление нарушений статей 2, 3 и 5. Конвенции о пропавших без вести киприотах-греках и их семьях. Однако для того, чтобы заявление было по существу таким же, как другое, которое уже было рассмотрено Судом или другой процедурой международного расследования или урегулирования для целей статьи 34 § 2 (b), оно должно касаться не только тех же фактов и жалобы, но вноситься одними и теми же лицами (см. *Folgerø and Others v. Norway* (dec.), № 15472/02, 14 февраля 2006 г., и *Malsagova and Others v. Russia* (dec.), no. 27244/03, 6 март 2008 г.).

119. Поскольку государство-ответчик на очень позднем этапе оспаривало юридический интерес заявителей в рассмотрении этого заявления и ссылалось на статью 37 § 1 (с), Суд отмечает, что выводы по четвертому межгосударственному делу не уточнил, в отношении каких отдельных пропавших без вести лиц они были сделаны (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу "Кипр против Турции", § 133, где были обнаружены доказательства, подтверждающие утверждение о том, что "многие пропавшие без вести" были задержаны государством-ответчиком или сил, за которые они несут ответственность). Таким образом, это решение не может рассматриваться как определяющее вопросы и требования, возникающие в настоящих заявлениях. В связи с этим следует также отметить, что в индивидуальных жалобах Суд правомочен присуждать

справедливую компенсацию за материальный и моральный ущерб, понесенный отдельными заявителями, и давать указания в соответствии со статьей 46 в отношении любых общих или индивидуальных мер, которые могут быть приняты. Таким образом, нельзя сказать, что настоящие жалобы не могут привести к проблемам или исходам, отличным от тех, что были в четвертом межгосударственном деле, или что интересы отдельных заявителей каким-то образом были включены в решение по этому делу, так что это больше нет оснований для продолжения рассмотрения их заявлений. Таким образом, Европейский суд удовлетворен тем, что сохраняется юридический интерес в продолжении рассмотрения этих заявлений.

120. Таким образом, эти возражения отклоняются.

В. Возражение *ratione temporis*

1. Решение Камеры

121. Палата исключила из рассмотрения любые утверждения о нарушениях, основанные на фактах, имевших место до решающей даты ратификации Турцией права на подачу индивидуальной жалобы 28 января 1987 г. Она отметила, что Большая Палата в четвертом межгосударственном деле установила, что Исчезновение примерно 1485 киприотов-греков свидетельствует о продолжающемся нарушении статьи 2, поскольку власти государства-ответчика не провели эффективного расследования, направленного на выяснение местонахождения и судьбы лиц, пропавших без вести в опасной для жизни ситуации. обстоятельства. Он не нашел причин для разногласий в отношении девяти пропавших без вести мужчин в этом деле и пришел к выводу, что в той мере, в какой существовало продолжающееся обязательство по статье 2, он обладал компетенцией *ratione temporis*.

2. Заявления в суд

(а) Государство-ответчик

122. Правительство-ответчик утверждало, что временная юрисдикция была жизненно важным предварительным условием для рассмотрения этих дел. Они утверждали, что Палата не применила принципы, изложенные в постановлении Большой Палаты по делу Блечич против Хорватии ([GC], № 59532/00, ECHR 2006III), с должным учетом международной практики. Они заявили, что утверждение о продолжающейся ситуации было недостаточным или

решающим, поскольку определяющий вопрос заключался в том, связывало ли государство какое-либо обязательство в момент возникновения фактов, послуживших поводом для спора. Вопросы продолжающегося положения или нарушения возникли только после установления нормы, обязывающей государство с этого момента и на будущее, как показывают сами положения статьи 6 Протокола № 11. Турция признала компетенцию Комиссии принимать индивидуальные петиции только с 28 января 1987 г.; это касалось только вопросов, поднятых в отношении фактов, имевших место после заявления Турции.

123. Таким образом, в настоящих делах государство-ответчик подчеркнуло, что утверждения об исчезновениях основаны на фактах, имевших место в период с июля по август 1974 г.; ни одно из предполагаемых наблюдений пропавших без вести мужчин не имело место после октября 1974 г. Правительство-ответчик, однако, признало право на подачу индивидуальной жалобы только 28 января 1987 г. в отношении жалоб на факты, возникшие после этой даты. Таким образом, Суд не обладал временной юрисдикцией в отношении рассматриваемых событий. В то время как решение Палаты имело целью применить подход четвертого межгосударственного дела к этому вопросу, Правительство-ответчик указало, что временная юрисдикция в этом деле не обсуждалась, Палата смешивала этот аспект с вопросами по существу, касающимися существования продолжающаяся ситуация. Дальше, ни Блечич, ни турецкая декларация не сделали никаких исключений в отношении продолжающихся ситуаций. Они отметили, что решение Блечича касалось дел Молдован и другие и Росташ и другие против Румынии ((реш.), №№ 41138/98 и 64320/01, 13 марта 2001 г.), в котором было установлено, что в отношении жалоб по статье 2 на неэффективность расследований в убийствах, что временная юрисдикция отсутствовала в тех случаях, когда убийства имели место до ратификации. Это показало, что последствия, вытекающие из первоначальных фактов, также не могли быть исследованы, за исключением так называемых продолжающихся ситуаций, как показали последующие дела, такие как Холодовый против России ((дек.), № 30651/05, 14 сентября 2006 г.), в котором Суд пришел к выводу, что последующая неиспользование средств правовой защиты, направленных на возмещение последствий более раннего вмешательства, не может поставить дело под временную юрисдикцию (Власти-ответчики также ссылались на *Dinchev v. Bulgaria* (dec.), № 23057/03), 6 марта 2007 г., Мериакри против Молдовы (реш.), № 53487/99, 16 января 2001 г., Мркич против Хорватии (реш.), № 7118/03, 8 июня 2006 г., и Чакир против Кипра (реш.), № 7864/06, 11 января 2008 г., где жалобы на убийство в 1974 г. были отклонены в связи с временной преградой).

Таким образом, Палата должна была воздержаться не только от рассмотрения фактов в 1974 году, но также процедур и фактов, которые вытекали из этих фактов или были связаны с ними. Его противоположный подход несовместим с постоянной практикой.

124. Поскольку заявители утверждали, что обязательство провести расследование было самостоятельным, этот вопрос был урегулирован в деле Блечича, из которого стало ясно, что процедуры, касающиеся непредоставления средств правовой защиты, не затрагивали временную юрисдикцию в отношении событий и фактов до ратификации. Не может быть самостоятельного процессуального обязательства, оторванного от фактического происхождения жалоб. Правительство-ответчик далее утверждало, что процессуальное обязательство по проведению расследования в соответствии со статьями 2 и 3 появилось недавно и не может рассматриваться как имеющее обязательную силу для Государств ретроспективно. В этом отношении они ссылались на решения Суда по делу Маркович и другие против Италии ([БП], № 1398/03, § 111, ЕСПЧ 2006 г.-XIV) и Корбели против Венгрии ([БП], № 9174/02, § 84, ЕСПЧ 2008 г.).

125. Что касается предполагаемой продолжающейся ситуации, Правительство-ответчик утверждало, что Палата не приняла во внимание установленную судебную практику по делам об исчезновениях, которая показала, что по прошествии определенного времени существовала презумпция смерти (см. пункт 108 выше). Таким образом, следует считать, что эти заявители умерли до вступления в силу временной юрисдикции.

(б) Заявители

126. Заявители утверждали, что Суд обладает юрисдикцией для рассмотрения продолжающихся нарушений, которые, хотя и прослеживают свою историческую отправную точку до момента в прошлом, продолжались во время или после признания Турцией права на индивидуальную жалобу (они ссылались на *Loizidou v. Turkey* (существо дела)), 18 декабря 1996 г., §§ 41 и 47, Reports 1996VI). Хотя первые заявители действительно исчезли в 1974 году, нарушения, вытекающие из этих исчезновений и/или связанные с ними, с тех пор продолжаются. Они отрицали, что их жалобы были основаны на мгновенных действиях в 1974 году, но утверждали, что они касались нарушений длящегося характера, которые выдержали любые временные ограничения и продолжаются по сей день.

127. Заявители утверждали, что не было никаких оснований предполагать, что пропавшие без вести мужчины были мертвы или умерли в 1974 году. Ссылка на внутреннее законодательство Кипра не имела значения, поскольку оно позволяло установить презумпцию смерти только тогда, когда Генеральный прокурор или такое заявление

подало лицо, обладающее правоспособностью (претендующее на права, вытекающие из смерти пропавшего без вести). Прецедентная практика Суда в отношении статьи 2 также не имеет значения, поскольку это были дела, в которых сами заявители просили Суд сделать вывод о презумпции смерти, чтобы подтвердить утверждения о существенных нарушениях. Разрешение правительству признать пропавших без вести мужчин мертвыми также может быть расценено как нарушение де-юре или казнь, противоречащая статье 2.

с) Правительство Кипра

128. Правительство, вступившее в дело, утверждало, что настоящие жалобы не касаются ответственности Турции за действия или бездействие, имевшие место в то время, когда Турция не приняла Конвенцию. Турция присоединилась к Конвенции в 1954 году и с того времени могла быть объектом судебного разбирательства, инициированного другими Договаривающимися сторонами. Дела, на которые ссылалось государство-ответчик, такие как дело Блечича, не помогли, поскольку нарушения имели место до того, как государство-ответчик ратифицировало Конвенцию, в то время как настоящие жалобы касались продолжающихся нарушений, имевших место более чем через пятьдесят лет после того, как Турция стала связанной основными положениями Конвенции. Соглашение. Настоящие утверждения были также основаны на фактах, касающихся поведения Турции после 28 января 1987 г., когда она не провела расследование исчезновений. Это несоблюдение не было аспектом какого-либо незаконного убийства или задержания или следствием нарушения статей 2 или 5, а было инициировано отдельно. Таким образом, временное возражение было неверно истолковано.

129. Вмешавшееся правительство отвергло утверждение о том, что пропавших без вести мужчин следует считать погибшими. Такая презумпция могла быть сделана только по просьбе заявителей и в любом случае не прекращала какого-либо обязательства по расследованию, которое не ограничивалось вопросом о том, умерло ли лицо, но также охватывало обстоятельства, при которых оно умер, а в случае незаконного убийства - выявление и судебное преследование любого виновного.

3. Оценка Суда

а) Общие принципы

130. Бесспорно, что в соответствии с общими нормами международного права (см., в частности, статью 28 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г.)

положения Конвенции не обязывают Договаривающуюся сторону в отношении любого действие или факт, имевший место, или любая ситуация, которая прекратила свое существование до даты вступления в силу Конвенции в отношении этой Стороны (см. *Blečić*, упомянутое выше, § 70, и *Šilih* против Словении [БП], no. 71463/01, § 140, 9 апреля 2009 г.). Кроме того, в случае возбуждения заявителем судебного разбирательства с целью получения возмещения за действие, бездействие или решение, предположительно нарушающее Конвенцию, которое происходит или продолжается после вступления Конвенции в силу,

131. Таким образом, для установления временной юрисдикции Суда важно установить в каждом конкретном случае точное время предполагаемого вмешательства. При этом Суд должен принять во внимание как факты, на которые жалуется заявитель, так и объем прав, предусмотренных Конвенцией, которые, как утверждается, были нарушены (там же, § 82).

(b) Применение в настоящем деле

132. Турция ратифицировала Конвенцию 18 мая 1954 г.; он принял право на подачу индивидуальной жалобы 28 января 1987 г. и юрисдикцию старого Суда 22 января 1990 г. Протокол № 11, в соответствии с которым был создан новый Суд, вступил в силу 11 января 1998 г.

133. Соответственно, Турция была связана положениями Конвенции с 18 мая 1954 г. Однако признание ею права на подачу индивидуальной жалобы ограничивалось фактами, имевшими место после даты заявления на этот счет 28 января 1987 г. Когда старый Суд прекратил для функционирования в 1998 году юрисдикция этого Суда стала обязательной и исходила из признания Договаривающимся государством права на подачу индивидуальной жалобы. Из этого следует, что Суд не компетентен рассматривать какие-либо жалобы, поданные этими заявителями против Турции, поскольку предполагаемые нарушения основаны на фактах, имевших место до 28 января 1987 г. (см. *Sankocak* против Турции, № 25182/94 и 26956/ 95, § 26, 20 февраля 2001 г., и *Демадес* против Турции (справедливая компенсация), № 16219/90, § 21, 22 апреля 2008 г.).

134. На этом основании любые жалобы заявителей, утверждающих, что Договаривающееся государство несет ответственность за фактические события 1974 года, не подпадают под временную юрисдикцию Суда. В той мере, в какой подаются какие-либо жалобы относительно действий или бездействия Договаривающегося государства после 28 января 1987 года, Суд может принять их к рассмотрению. В этой связи он отмечает, что заявители уточнили, что их претензии касались только ситуации, имевшей место после января

1987 г., а именно продолжающегося непредставления сведений о судьбе и местонахождении пропавших без вести путем проведения эффективного расследования.

135. Суд отмечает, что государство-ответчик выдвинуло два основных аргумента против утверждений заявителей о том, что процессуальное обязательство может существовать после критической даты. Первый касается характера процессуального обязательства в соответствии со статьей 2, а второй основан на презумпции того, что пропавшие без вести мужчины на самом деле умерли примерно в 1974 году. Суд также рассмотрит, наконец, характер и объем процессуального обязательства по расследованию исчезновений. в частности.

(i) Временная юрисдикция и процессуальные обязательства в соответствии со статьей 2

(α) Процедуры, связанные с фактами вне временной юрисдикции

136. Правительство-ответчик утверждало, ссылаясь на Блечича, что жалобы на такие расследования или их отсутствие противоречили принципу, согласно которому процедуры, направленные на устранение нарушений, не влияют на отсутствие временной юрисдикции в отношении фактов, имевших место заранее. Однако этот аргумент несостоятелен, поскольку процессуальное обязательство провести расследование в соответствии со статьей 2 не является процедурой возмещения ущерба по смыслу пункта 1 статьи 35. Само отсутствие эффективного расследования является сердцевиной предполагаемого нарушения. Она имеет свою особую сферу применения, которая может действовать независимо от материально-правовой части статьи 2, которая касается ответственности государства за любую незаконную смерть или угрожающее жизни исчезновение, как показывают многочисленные дела, вынесенные Судом, в которых было установлено процессуальное нарушение при отсутствии какого-либо вывода о том, что представители государства несут ответственность за применение смертоносной силы (см., среди многих примеров, *Finucane v. the United Kingdom*, no. 29178/95, ЕСПЧ 2003VIII). Действительно, процессуальное обязательство по проведению эффективного официального расследования в той или иной форме возникает, когда люди пропадают без вести при угрожающих жизни обстоятельствах, и не ограничивается случаями, когда очевидно, что исчезновение было вызвано агентом государства (см. Турция, № 48804/99, § 87, 24 января 2008 г.).

137. Таким образом, по этим причинам опора властей Российской Федерации на доводы в деле Блечича относительно процедур возмещения ущерба является ошибочной.

(β) Использование ранее принятых Судом решений об отклонении процессуальных жалоб как несовместимых *ratione temporis*

138. Поскольку Правительство-ответчик ссылалось на такие дела, как Молдован и другие и Росташ и другие и Холодовый (см. пункт 123 выше), Суд отмечает, что они касались не исчезновений, а убийств. Суд недавно вынес свое решение по делу *Şilih* (упомянутому выше), в котором анализировалась судебная практика по вопросу о том, может ли быть установлено процессуальное нарушение, когда смерть наступила до даты признания права на подачу индивидуальной жалобы, а также о предполагаемых недостатках или упущениях в впоследствии были проведены следственные действия (§§ 148-52). В решении Большой палаты подробно изложены материалы международного права, в частности, Межамериканского суда по правам человека («МСПЧ») и Комитета ООН по правам человека («КПЧ»), в котором указывалось, что эти органы признали юрисдикцию *ratione temporis* в отношении процессуальных жалоб, касающихся расследований смертей, даже в тех случаях, когда смертельные действия имели место до критической даты (там же, §§ 111-18 и 160). Затем он разъяснил, что процессуальное обязательство по проведению расследования случаев смерти в соответствии со статьей 2 превратилось в его собственном прецедентном праве в отдельную и самостоятельную обязанность; его можно рассматривать как «отделимое обязательство», способное связывать государство, даже если смерть наступила до вступления в силу Конвенции (там же, §§ 153). Затем он разъяснил, что процессуальное обязательство по проведению расследования случаев смерти в соответствии со статьей 2 превратилось в его собственном прецедентном праве в отдельную и самостоятельную обязанность; его можно рассматривать как «отделимое обязательство», способное связывать государство, даже если смерть наступила до вступления в силу Конвенции (там же, §§ 153).-63).

139. Таким образом, прецеденты, на которые ссылается государство-ответчик, не имеют никакого отношения к убийствам. Они также не имели никакого отношения к явлениям исчезновений, продолжающийся характер которых имеет последствия для юрисдикции Суда *ratione temporis*, как это рассматривается ниже.

(γ) Предполагаемое ретроспективное применение процессуального обязательства

140. Поскольку государство-ответчик также утверждало, что процессуальное обязательство в соответствии со статьей 2 не могло применяться во время принятия им права на подачу индивидуальной жалобы, поскольку оно было развито в прецедентной практике Суда лишь позднее, Суд обратил внимание, что ссылки, на которые ссылались дела Marković and Others и Korbely (упомянутые выше), относились, соответственно, к тому, существовало ли право во внутреннем законодательстве в соответствующее время для целей статьи 6, и к принципам, изложенным в статье 7 против ретроактивного наложения уголовных наказаний. Ни то, ни другое не имеет никакого отношения к тому, как сам Суд интерпретирует содержание обязательств, связывающих Договаривающиеся государства в соответствии с Конвенцией, и такое толкование не может быть приравнено к ретроактивному возложению ответственности.

(ii) Презумпция смерти

141. Правительство-ответчик утверждало, что пропавшие без вести мужчины должны были считаться умершими задолго до того, как в 1987 году возникла какая-либо временная юрисдикция; таким образом, не было никакого «исчезновения», которое нужно было бы расследовать после этой даты.

142. На национальном уровне, как указывали заявители и вступившие в дело власти, общепринято, что по прошествии нескольких лет (в среднем от семи до десяти) родственники пропавшего без вести лица или уполномоченного государственного должностного лица могут возбудить дело об установлении презумпции смерти. Это имеет целью способствовать правовой определенности и позволить лицам, пострадавшим от исчезновения, решать вопросы, связанные с имуществом и семейным положением. Это приносит пользу ближайшим родственникам или лицам, имеющим надлежащий правовой статус. Тот факт, что существует десятилетний порог, на который могут ссылаться родственники пропавших без вести лиц в правовой системе Кипра, однако, не делает это положение применимым по аналогии в разбирательстве в этом Суде.

143. В прецедентной практике Конвенции, как указано Правительством-ответчиком, Суд неоднократно делал выводы о том, что пропавшее без вести лицо может считаться умершим (см., среди многих решений, Лянова и Алиева против России, №№ 12713/02 и 28440/03, §§ 94-95, 2 октября 2008 г.). Как правило, это установление факта было сделано в ответ на заявления правительства-ответчика о том, что данное лицо все еще живо или что не было доказано, что оно

погибло от рук представителей государства. Эта презумпция смерти не является автоматической и достигается только при изучении обстоятельств дела, в которых важным элементом является время, прошедшее с тех пор, как человека видели живым или о нем слышали (см., например, *Vagarova and Zubirayev v. Россия*, № 21080/05, §§ 85-86, 26 февраля 2009 г.,

144. Здесь Суд проводит различие между установлением фактической презумпции и правовыми последствиями, которые могут вытекать из такой презумпции. Даже если бы имелась доказательная база, которая могла бы оправдать вывод о том, что девять пропавших без вести мужчин умерли во время или вскоре после событий 1974 года, это не сняло бы жалоб заявителей на отсутствие эффективного расследования.

145. Суд отмечает, что процессуальное обязательство по расследованию в соответствии со статьей 2 в случае незаконной или подозрительной смерти в большинстве случаев инициируется обнаружением тела или наступлением смерти. Когда речь идет об исчезновениях при угрожающих жизни обстоятельствах, процессуальное обязательство по расследованию вряд ли может прекратить свое действие после обнаружения тела или презумпции смерти; это просто проливает свет на один аспект судьбы пропавшего без вести. Обязательство нести ответственность за исчезновение и смерть, а также выявлять и преследовать в судебном порядке любого виновного в незаконных действиях в этой связи, как правило, остается.

146. Таким образом, Суд приходит к выводу, что даже несмотря на то, что по прошествии более тридцати четырех лет без каких-либо известий о пропавших без вести лицах могут быть убедительные косвенные доказательства того, что они тем временем умерли, это не снимает процессуального обязательства по проведению расследования.

(iii) Характер процессуального1 обязательства по расследованию исчезновений

147. Суд хотел бы подчеркнуть, что, как установлено в деле *Şilih* (упомянутом выше) в отношении процессуального обязательства по статье 2 расследовать незаконные или подозрительные смерти, процессуальное обязательство по статье 2, возникающее в связи с исчезновениями, действует независимо от материально-правового обязательства. Он отмечает, что МАКПЧ и в некоторой степени КПЧ применяют тот же подход к процессуальному аспекту исчезновений (см. пункты 93-107 выше), рассматривая утверждения об отказе в правосудии или судебной защите, даже если исчезновение произошло до признания его факта. юрисдикция.

148. Однако в прецедентной практике Суда необходимо провести важное различие между обязательством расследовать подозрительную

смерть и обязательством расследовать подозрительное исчезновение. Исчезновение — это особое явление, характеризующееся продолжающейся ситуацией неопределенности и безотчетности, при которой имеет место недостаток информации или даже преднамеренное сокрытие и запутывание того, что произошло (см. также определения исчезновения, приведенные выше в части II В. «Международно-правовые документы о насильственных исчезновениях»). Эта ситуация очень часто растягивается во времени, продлевая мучения родственников пострадавшего. Следовательно, нельзя сказать, что исчезновение есть просто «мгновенное» действие или событие; дополнительный отличительный элемент последующего непредоставления информации о местонахождении и судьбе пропавшего без вести лица создает длящуюся ситуацию. Таким образом, процессуальное обязательство потенциально будет сохраняться до тех пор, пока судьба лица не будет раскрыта; продолжающееся непроведение необходимого расследования будет рассматриваться как продолжающееся нарушение (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Кипр против Турции", § 136). Это так даже там, где смерть может, в конце концов, предполагаться.

149. Следует отметить, что подход, примененный в деле *Şilih* (упомянутом выше, § 163) в отношении требования близости смерти и следственных действий к дате вступления в силу Конвенции, применяется только в контексте убийств или подозрительных смертей, когда закрепляющий фактический элемент, гибель жертвы, точно известен, даже если точная причина или окончательная ответственность неизвестны. Процессуальное обязательство в этом контексте не носит длящегося характера в том смысле, который описан выше.

(iv) Заключение

150. Суд отклоняет возражения правительства-ответчика относительно отсутствия временной юрисдикции. Тем не менее вопрос о том, существовало ли длящееся процессуальное обязательство по расследованию судьбы и местонахождения пропавших без вести мужчин на момент подачи этих заявлений, еще предстоит изучить.

С. Правило шести месяцев (статья 35 § 1 Конвенции)

1. Решение Камеры

151. Палата сочла, что даже в продолжающихся ситуациях может возникнуть момент, принимая во внимание цель правовой

определенности, закрепленную в правиле шести месяцев, и соображения практического и эффективного функционирования механизма Конвенции, когда можно было разумно ожидать, что заявитель не должен больше ждать с подачей заявления в Страсбург. Таким образом, от заявителей в делах об исчезновениях можно было бы потребовать проявить разумную оперативность при подаче жалоб. Однако в этих заявлениях, поданных примерно через три года после ратификации Турцией права на индивидуальную жалобу и примерно через три дня после признания Турцией юрисдикции старого Суда, на фоне последовательных межгосударственных заявлений, результаты которых все еще не обнародовано,

2. Заявления в суд

(а) Государство-ответчик

152. Правительство-ответчик утверждало, что имело место необъяснимое несоответствие между подходом, принятым в делах Карабардак и другие против Кипра и Байбора и другие против Кипра ((реш.), № 76575/01 и 77116/01, 22 октября 2002 г.), и подходом Палаты решение по настоящему делу. В первом случае Суд установил, что промежуток времени между фактами и подачей жалоб заявителями-киприотами-турками был слишком долгим, без упоминания какого-либо очевидного длящегося нарушения. На этом основании настоящие ходатайства также должны были быть отклонены как просроченные. Тот факт, что заявления были поданы через три года после ратификации в данном конкретном случае, в то время как в делах против Кипра прошло тринадцать лет, не имеет логического отношения к различным подходам, применяемым в отношении правила шести месяцев. Более того,

153. Правительство-ответчик пришло к выводу, что, если СМР действительно был неэффективным средством правовой защиты, как утверждают настоящие заявители, они должны были подать свои жалобы в Комиссию не позднее чем через шесть месяцев после даты ратификации 28 января 1987 г. Они отметили, что решения по делу Ваубора и Иные, и Карабардак, и Иные вообще умолчали о том, когда время пошло. Это различие в обращении с заявителями по делам киприотов-турок и киприотов-греков, которые касались одних и тех же утверждений в одном и том же историческом и географическом контексте, усугубило страдания заявителей из числа киприотов-турок.

(б) Заявители

154. Заявители утверждали, что правило шести месяцев не применяется к продолжающимся нарушениям. Что касается дел

«Байбора и другие» и «Карабардак и другие», они сочли, что их можно отличить от их собственных заявлений, поскольку, во-первых, Турция была уведомлена об их пропавших без вести родственниках к концу сентября 1974 г., и девять мужчин также были включены в группа пропавших без вести лиц, перечисленных кипрским правительством в четырех межгосударственных делах в период с 1974 по 1994 год; во-вторых, их жалобы были поданы 25 января 1990 г., через три дня после того, как Турция признала юрисдикцию Суда (тогда как жалобы киприотов-турок были поданы более десяти лет спустя); и жалобы киприотов-турок были поданы в отсутствие каких-либо усилий со стороны семей по исчерпанию внутренних средств правовой защиты, доступных с 1964 года во внутренней системе Кипра, тогда как киприоты-греки не имели доступа к каким-либо внутренним средствам правовой защиты в Турции.

с) Вмешавшееся правительство

155. Власти Кипра утверждали, что заявители не допускали чрезмерной задержки с подачей своих жалоб; это отличает их дела от дел киприотов-турок, когда заявители бездействовали более двадцати лет после прекращения расследования исчезновений Международным комитетом Красного Креста («МККК») и гражданской полицией Организации Объединенных Наций в 1968 г. и через тринадцать лет после того, как Кипр принял право на подачу индивидуальной петиции.

3. Оценка Суда

а) Общие принципы

156. Целью шестимесячного срока в соответствии со статьей 35 § 1 является содействие правовой определенности путем обеспечения того, чтобы дела, поднимающие вопросы в соответствии с Конвенцией, рассматривались в разумные сроки и чтобы прошлые решения не могли быть постоянно оспорены. Он устанавливает временные рамки надзора, осуществляемого органами Конвенции, и сообщает как отдельным лицам, так и государственным органам период, после которого такой надзор более невозможен (см., среди прочего, *Walker v. the United Kingdom* (dec.), № 34979/97, ECHR 2000I).

157. Как правило, шестимесячный срок исчисляется с даты принятия окончательного решения в процессе исчерпания внутренних средств правовой защиты. Однако, если с самого начала ясно, что у заявителя нет эффективных средств правовой защиты, срок исчисляется с даты обжалуемых действий или мер или с даты, когда

стало известно об этом действии или его влиянии на заявителя или нанесении ему ущерба. (см. Деннис и другие против Соединенного Королевства (реш.), № 76573/01, 2 июля 2002 г.). Пункт 1 статьи 35 также не может быть истолкован таким образом, который требует от заявителя подачи жалобы в Суд до того, как его позиция в связи с этим вопросом будет окончательно урегулирована на внутригосударственном уровне. Таким образом, если заявитель воспользуется явно существующим средством правовой защиты и лишь впоследствии узнает об обстоятельствах, делающих это средство неэффективным,

158. Следовательно, в случае смерти родственники-заявители должны принять меры для отслеживания хода расследования или его отсутствия, а также своевременно подать свои заявления, как только они узнают или должны были узнать об отсутствии какого-либо следствия. эффективное уголовное расследование (см. Булут и Явуз против Турции (реш.), № 73065/01, 28 мая 2002 г., и Байрам и Йылдырым против Турции (реш.), № 38587/97, ECHR 2002III). Те же самые принципы были применены, *mutatis mutandis*, к делам об исчезновениях (см. «Эрен и другие против Турции» (реш.), № 42428/98, 4 июля 2002 г., и «Ючак и Каргили и другие против Турции» (реш.), №№ 75527/01 и 11837/02, 28 марта 2006 г.).

159. Тем не менее, было сказано, что шестимесячный срок как таковой не применяется к продолжающимся ситуациям (см., например, *Agrotexim Hellas SA and Others v. Greece*, № 14807/89, решение Комиссии от 12 февраля 1992 г., DR 72, стр. 148, и *Коне против Румынии*, № 35935/02, § 22, 24 июня 2008 г.); это связано с тем, что, если существует ситуация продолжающегося нарушения, срок действия начинается заново каждый день, и только когда ситуация прекращается, последний период в шесть месяцев истекает. В четвертом межгосударственном деле когда подразумевалось, что аналогичный подход применим к продолжающейся практике – и в этом случае речь шла о постоянном несоблюдении обязательства по расследованию исчезновений – Суд отмечает, что вопрос о правиле шести месяцев был объединен с жалобой Комиссии по существу, и ни одно из правительств с тех пор не сделало никаких заявлений по этому вопросу (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Кипр против Турции", §§ 103-04). Таким образом, этот вопрос не был прямо рассмотрен Судом в этом решении. Таким образом, решение этого вопроса в настоящем деле ложится на Суд.

(b) Применимость временных ограничений к процессуальным обязательствам по статье 2 Конвенции

160. Суд не может не подчеркнуть, что Конвенция представляет собой систему защиты прав человека и что крайне важно, чтобы она

интерпретировалась и применялась таким образом, чтобы эти права были практическими и эффективными, а не теоретическими и иллюзорными. Это касается не только толкования основных положений Конвенции, но и процессуальных положений; это влияет на обязательства, возлагаемые на правительства-ответчики, но также влияет на положение заявителей. Например, хотя для эффективности системы важно, чтобы Договаривающиеся государства выполняли свое обязательство не препятствовать заявителю в осуществлении права на подачу индивидуальной жалобы, лица, тем не менее, несут ответственность за сотрудничество с процедурами, вытекающими из введения их жалобы, помощь в прояснении любых фактических вопросов, если они им известны, а также в поддержании и поддержке заявлений, поданных от их имени (см. Капан против Турции, № 22057/93, решение Комиссии от 13 января 1997 г., DR 88-A, с. 17). На том же основании, когда время имеет решающее значение для решения вопросов по делу, на заявителе лежит бремя обеспечения того, чтобы его или ее требования были представлены в Суд с необходимой скоростью, чтобы гарантировать, что они могут быть должным образом, и справедливо, решен.

161. В этом контексте Суд подтвердит подход, принятый Палатой в настоящих жалобах. Не все продолжающиеся ситуации одинаковы; характер ситуации может быть таков, что ход времени влияет на то, что поставлено на карту. В случаях исчезновений, так же как крайне важно, чтобы соответствующие национальные органы начали расследование и приняли меры, как только лицо исчезло при угрожающих жизни обстоятельствах, необходимо, чтобы заявители, которые являются родственниками пропавших без вести лиц, не затягивать с неоправданной задержкой подачи жалобы на неэффективность или отсутствие такого расследования в Суд. С течением времени воспоминания свидетелей тускнеют, свидетели могут умереть или стать бесследными, улики испортятся или перестанут существовать. и перспективы того, что любое эффективное расследование может быть предпринято, будут все меньше уменьшаться; и собственное рассмотрение и решение Суда могут быть лишены смысла и эффективности. Соответственно, когда речь идет об исчезновениях, заявители не могут бесконечно ждать до приезда в Страсбург. Они должны продемонстрировать определенное усердие и инициативу и представить свои жалобы без неоправданной задержки. С чем это связано, будет рассмотрено ниже.

с) Неоправданная задержка в рассмотрении дел об исчезновениях

162. Суд хотел бы, во-первых, отметить, что необходимо проводить различие со случаями незаконной или насильственной смерти. В этих случаях, как правило, существует точный момент времени, когда

известно, что наступила смерть, и некоторые основные факты являются достоянием общественности. Отсутствие прогресса или неэффективность расследования, как правило, более очевидны. Соответственно, требования срочности могут потребовать от заявителя подать такое дело в Страсбург в течение нескольких месяцев или, самое большее, в зависимости от обстоятельств, через несколько лет после событий. В делах об исчезновениях, когда существует состояние невежества и неопределенности и, по определению, отсутствие объяснения того, что произошло, если не видимость преднамеренного сокрытия и воспрепятствования со стороны некоторых властей, ситуация менее однозначна. Родственникам пропавших труднее оценить, что происходит, или чего можно ожидать. Необходимо сделать поправку на неопределенность и путаницу, которые часто отмечают последствия исчезновения.

163. Во-вторых, Суд примет к сведению международные материалы о насильственных исчезновениях. Международная конвенция для защиты всех лиц от насильственных исчезновений предусматривает, что любой срок судебного преследования за преступления, связанные с исчезновением, должен быть продолжительным, пропорциональным тяжести преступления, в то время как Римский статут Международного уголовного суда исключает любой статут ограничения в отношении судебного преследования за международные преступления против человечности, включая насильственные исчезновения. принимая во внимание, таким образом, консенсус в отношении возможности судебного преследования лиц, совершивших такие преступления, даже спустя много лет после событий,

164. В-третьих, в соответствии с принципом субсидиарности лучше всего расследовать факты дел и решать вопросы, насколько это возможно, на национальном уровне. В интересах заявителя и в интересах эффективности системы Конвенции, чтобы национальные органы, которые имеют наилучшие возможности для этого, предпринимали действия по устранению любых предполагаемых нарушений Конвенции.

165. Тем не менее, Суд считает, что жалобы могут быть отклонены как несвоевременные в делах об исчезновениях, когда имели место чрезмерные или необъяснимые задержки со стороны заявителей после того, как они узнали или должны были узнать, что расследование не было начато или что расследование бездействовало или стало неэффективным, и в любом из этих случаев не существует непосредственных и реальных перспектив проведения эффективного расследования в будущем. В тех случаях, когда предпринимаются инициативы в отношении ситуации с исчезновением, заявители могут обоснованно ожидать развития событий, которые могли бы решить важные фактические или юридические вопросы. Действительно, до тех

пор, пока между семьями и властями существует какой-либо содержательный контакт по поводу жалоб и запросов на информацию, или какие-то указания или реальная возможность, хода следственных действий, соображения неоправданной задержки, как правило, не возникают. Однако там, где был значительный промежуток времени, и имели место значительные задержки и затишья в следственной деятельности, наступит момент, когда родственники должны осознать, что эффективного расследования не проводилось и не будет. Когда будет достигнута эта стадия, будет неизбежно зависеть от обстоятельств конкретного дела.

166. В сложной ситуации исчезновения, такой как нынешняя, возникающей в ситуации международного конфликта, когда утверждается, что имеет место полное отсутствие какого-либо расследования или значимого контакта с властями, можно ожидать, что родственники возбудит дело внутри, самое большее, несколько лет инцидента. Если проводится своего рода расследование, даже если оно спорадическое и сопровождается проблемами, родственники могут разумно подождать еще несколько лет, пока надежда на прогресс не испарится. Если прошло более десяти лет, заявители, как правило, должны были убедительно продемонстрировать, что имел место некоторый постоянный и конкретный прогресс, чтобы оправдать дальнейшую задержку с приездом в Страсбург.

(d) Применение в настоящем деле

167. Эти заявители подали свои жалобы 25 января 1990 г., примерно через пятнадцать лет после того, как их родственники пропали без вести в 1974 г. Суд отмечает, что исчезновения были доведены до сведения правительства-ответчика примерно в 1974 г. вмешавшимися властями и МККК. Вступившее в дело правительство также представило ряд жалоб от 1974 года, в которых были поданы жалобы, связанные с событиями, включая проблему пропавших без вести, в Комиссию в Страсбурге. На протяжении 1980-х годов по этим вопросам постоянно проводились процедуры. Однако только четвертое межгосударственное дело, поданное намного позже, в 1994 году, могло быть передано в этот Суд после того, как Турция признала юрисдикцию Суда; предыдущие три заявки, которые были представлены Комиссии, закончились отчетами, направленными в Комитет министров,

168. Тем временем постконфликтная ситуация на Кипре находилась в ведении Организации Объединенных Наций, которая взяла на себя надзор за буферной зоной между двумя противоборствующими сторонами. С самого начала также предпринимались усилия по созданию механизма для решения проблемы исчезновений, что привело в 1981 году к созданию СМР. Суд отмечает, что

функционирование СМР с самого начала было затруднено разногласиями сторон, отсутствием сотрудничества и препятствиями. Однако информация о ходе работы СМР была ограничена из-за строгой конфиденциальности ее процедуры. Очевидно, что фактическая работа над делами началась в 1984 году, а конкретные следственные действия предпринимались в последующие годы. В апреле 1990 года СМР выпустила пространный пресс-релиз, в котором подчеркивались основные трудности с заслушиванием свидетелей, обнаружение тел и получение экспонатов. За этим последовали дальнейшие усилия Генерального секретаря Организации Объединенных Наций по активизации СМР. Только в 2006 году СМР, наконец, начал эксгумацию и начал находить и идентифицировать останки.

169. На этом фоне возникает вопрос, в какой момент заявители должны были явиться в Страсбург. До 1987 г. это было невозможно. Правительство-ответчик утверждало, что они должны были подать свои жалобы в течение шести месяцев с даты принятия права на подачу индивидуальной жалобы 28 января 1987 г.; по их мнению, 25 января 1990 г. было слишком поздно.

170. Суд считает, что заявители, входящие в состав большой группы лиц, затронутых исчезновениями, могли в исключительной ситуации международного конфликта, когда не было доступных нормальных следственных процедур, разумно ожидать результатов инициатив, предпринятых их правительством и Объединенные Нации. Эти процедуры могли привести к принятию мер по расследованию известных мест массовых захоронений и послужили основой для дальнейших мер. Однако Суд удовлетворен тем, что к концу 1990 года должно было стать очевидным, что проблематичный, необязательный, конфиденциальный характер этих процессов больше не давал реальной надежды на прогресс ни в поиске тел, ни в выяснении судьбы их родственники в ближайшее время. Соответственно, обращаясь в Суд в январе 1990 г., эти заявители действовали,

171. Придя к такому выводу, Суд внимательно изучил доводы правительства-ответчика относительно заявлений, поданных семьями киприотов-турок, пропавших без вести во время межобщинных конфликтов в 1960-х годах (см. выше). Особенно чувствителен к любому внешнему виду тот факт, что в этих случаях применялись разные и непоследовательные подходы. Тем не менее, он не убежден, что это так. Решения Палаты по вышеупомянутым делам очень лаконичны; а при отсутствии доводов сторон нет и объяснительной аргументации. Однако их вывод о том, что жалобы были поданы несвоевременно, соответствует принципам и прецедентной практике, изложенным выше. Не оспаривается тот факт, что родственники заявителей исчезли или были убиты в 1964 г., что в последующие годы

не было продолжающегося процесса исчерпания внутренних средств правовой защиты или других соответствующих процедур и что дело в конечном итоге было передано на рассмотрение КСС в 1989 г. Однако в соответствии с подходом Суда, изложенным выше, к концу 1990 года должно было стать очевидным, что от этого органа нельзя реально ожидать каких-либо положительных результатов в ближайшем будущем. Таким образом, выжидая до 2001 года, еще одиннадцатилетний период, в течение которого не было промежуточных событий, способных приостановить течение времени, заявители по этим делам неоправданно задержали представление своих жалоб в Суд. что в последующие годы не было продолжающегося процесса исчерпания внутренних средств правовой защиты или других соответствующих процедур и что дело в конечном итоге было передано на рассмотрение КС/СС в 1989 г. Однако, в соответствии с изложенным выше подходом Суда, к концу 1990 года, что нельзя ожидать, что этот орган в ближайшем будущем принесет какие-либо положительные результаты. Таким образом, выжидая до 2001 года, еще одиннадцатилетний период, в течение которого не было промежуточных событий, способных приостановить течение времени, заявители по этим делам неоправданно задержали представление своих жалоб в Суд. что в последующие годы не было продолжающегося процесса исчерпания внутренних средств правовой защиты или других соответствующих процедур и что дело в конечном итоге было передано на рассмотрение КС/СС в 1989 г. Однако, в соответствии с изложенным выше подходом Суда, к концу 1990 года, что нельзя ожидать, что этот орган в ближайшем будущем принесет какие-либо положительные результаты. Таким образом, выжидая до 2001 года, еще одиннадцатилетний период, в течение которого не было промежуточных событий, способных приостановить течение времени, заявители по этим делам неоправданно задержали представление своих жалоб в Суд. к концу 1990 года должно было стать очевидным, что от этого органа нельзя ожидать каких-либо положительных результатов в ближайшем будущем. Таким образом, выжидая до 2001 года, еще одиннадцатилетний период, в течение которого не было промежуточных событий, способных приостановить течение времени, заявители по этим делам неоправданно задержали представление своих жалоб в Суд. к концу 1990 года должно было стать очевидным, что от этого органа нельзя ожидать каких-либо положительных результатов в ближайшем будущем. Таким образом, выжидая до 2001 года, еще одиннадцатилетний период, в течение которого не было промежуточных событий, способных приостановить течение времени, заявители по этим делам неоправданно задержали представление своих жалоб в Суд.

172. Суд отклоняет предварительное возражение по этому поводу.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 2 КОНВЕНЦИИ

173. Статья 2 Конвенции предусматривает:

«1. Право каждого на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во время исполнения приговора суда по осуждению за преступление, за которое это наказание предусмотрено законом.

2. Лишение жизни не считается нанесенным в нарушение настоящей статьи, если оно является результатом применения силы, которая является не более чем абсолютно необходимой:

- (a) в защиту любого лица от незаконного насилия;
- (b) для осуществления законного ареста или предотвращения побега лица, задержанного на законных основаниях;
- (c) в действиях, предпринятых на законных основаниях с целью подавления бунта или восстания».

A. Решение Камеры

174. Палата не нашла оснований для расхождения с выводом Большой палаты по четвертому межгосударственному делу, постановив, что девять человек исчезли на том же опасном для жизни фоне и что, хотя, возможно, не было доказательной базы для обоснования того, что все девять человек в последний раз видели под стражей агентов государства-ответчика, в соответствии со статьей 2 существовало обязательство принимать надлежащие меры для защиты жизни раненых, военнопленных или гражданских лиц в зонах международного конфликта, и это распространялось на обеспечение эффективного расследования лиц, исчезнувших при таких обстоятельствах. СМР или другой орган не провели эффективного расследования.

B. Заявления в Суд

1. Заявители

175. Заявители утверждали, что Палата правильно применила выводы четвертого межгосударственного дела в своих жалобах. Правительство-ответчик было обязано провести оперативное, независимое, эффективное и тщательное расследование судьбы пропавших без вести мужчин, исчезнувших при угрожающих жизни обстоятельствах во время военных операций, в ходе которых их видели в последний раз и которые были по инициативе правительства-

ответчика. Они не считали, что какие-либо недавние события, касающиеся СМР, имели отношение к делу, поскольку эксгумации их не касались, за исключением совсем недавно одного случая, и у СМР все еще не было возможности эффективно расследовать обстоятельства какой-либо смерти или исчезновения. В связи с обнаружением останков Савваса Хаджипантели (заявление № 16071/90),

2. Правительство-ответчик

176. Правительство-ответчик утверждало, что не было установлено, что заявители были задержаны турецкими властями, и что не возникает ответственности по статье 2. Они утверждали, что межгосударственные жалобы следует отличать от индивидуальных жалоб, поскольку они основаны на разных положениях Конвенции. В последнем случае понятие статуса жертвы было существенным, в то время как в первом государству-заявителю не нужно было доказывать *prima facie* дело. Правительство-ответчик считало, что Палата не использовала бремя доказывания, применимое в отдельных случаях, бремя доказывания вне разумных сомнений, но допустила ошибку, полагаясь на выводы по межгосударственному делу. Комиссия в своем решении о приемлемости этих дел выразила сомнение в том, что первые заявители подпадают под действие выводов по межгосударственному делу.

177. Даже если бы статья 2 была применима, власти Российской Федерации считали, что они не нарушили ее требования. Они подчеркнули, что СМР претерпела значительные изменения после выводов по межгосударственному делу. Он подчеркнул важность проекта по эксгумации и возвращению останков, который дает конкретные результаты при финансовой и практической помощи обеих сторон, международных неправительственных организаций и международного сообщества. Они указали, что, учитывая то, что Палата полагалась на международный контекст конфликта как относящийся к характеру обязательств, вытекающих из статьи 2, было бы вполне логично, чтобы СМР рассматривался как надлежащее средство правовой защиты на таком историческом и политическом фоне. Не следует забывать, по их мнению, что киприоты-турки уже исчезли в 1963 году, и международное сообщество сочло, что СМР является надлежащим ответом на сложную, чувствительную и болезненную ситуацию. Это имело то преимущество, что относились к семьям с обеих сторон одинаково.

3. Вмешивающееся правительство

178. Правительство Кипра утверждало, что бремя доказывания было одинаковым в межгосударственных и индивидуальных жалобах, но просто выглядело иначе из-за контекста. Заявители представили достаточные доказательства того, что пропавших без вести в последний раз видели на территории, которая в то время или сразу после этого находилась под фактическим контролем вторгшихся турецких сил или сил, за которые они несут ответственность. Во время международного вооруженного конфликта это означало, что эти люди находились в опасной для жизни ситуации, и ответственность правительства, отвечающего за эти силы, заключалась в том, чтобы определить, что с ними случилось. Такая ответственность также предусмотрена международным гуманитарным правом, которое может быть использовано для уточнения объема существующих обязательств по Конвенции. Учитывая, что бойцы не вернулись на свои позиции, они были ранены, больны, мертвы или задержаны. Государство-ответчик было обязано разыскать их, обеспечить лечение в случае болезни или, в случае умерших, похоронить их; и во всех случаях предоставлять информацию об их судьбе.

179. Хотя они приветствовали любое улучшение функционирования КС/СС, ограничения ее круга ведения, мандата и полномочий остались без изменений; в частности, исключение юрисдикции для установления причин смерти и ответственности, ограничение территориальной юрисдикции Кипром с исключением Турции, обещания безнаказанности лицам, которые могут нести ответственность, и сомнение в том, будет ли она проводить расследование турецкой армией или официальным лицом Действия на кипрской территории.

С. Оценка Суда

180. Суд отмечает, что в четвертом межгосударственном деле Большая палата должна была рассмотреть вопрос о пропавших без вести киприотах-греках в целом. Нашел следующее:

«132. Суд напоминает, что нет никаких доказательств того, что кто-либо из пропавших без вести лиц был незаконно убит. Однако, по его мнению, имеющему отношение к настоящему делу, вышеупомянутое процессуальное обязательство также возникает при доказывании спорного утверждения о том, что лицо, которое в последний раз видели под стражей представителей государства, впоследствии исчезло в контексте, который можно считать опасным для жизни.

133. На этом фоне Суд отмечает, что доказательства подтверждают утверждение правительства-заявителя о том, что многие пропавшие без вести лица были задержаны либо турецкими, либо кипрско-турецкими войсками. Их

задержание произошло в то время, когда ведение боевых действий сопровождалось арестами и массовыми убийствами. Комиссия правильно охарактеризовала ситуацию как опасную для жизни. Вышеупомянутое заявление г-на Денкташа по радио и более поздний доклад профессора Кучука, если и не делают вывод об ответственности государства-ответчика за смерть пропавших без вести лиц, то, по крайней мере, ясно указывают на атмосферу риска и страха, царившую в материального времени и реальных опасностей, которым подвергались заключенные».

1. Бремя доказывания

181. Суд отмечает, что процессуальное обязательство было заявлено как возникающее, когда лица, которых в последний раз видели под стражей агенты государства, впоследствии исчезли при угрозе жизни. В контексте межгосударственного дела не было необходимости уточнять, какие лица входили в число «многих лиц», которые, согласно доказательствам, были задержаны турецкими или кипрско-турецкими войсками в момент их исчезновения. Нет никаких оснований, на которых можно предположить, что пропавшие без вести мужчины в настоящем деле были включены в выводы Суда. Поэтому в данном случае необходимо определить, возникли ли условия процессуального обязательства.

182. В ответ на довод правительства-ответчика о бремени доказывания Суд согласился с тем, что стандартом доказывания, обычно применяемым в индивидуальных жалобах, является стандарт доказывания, не вызывающий разумных сомнений, хотя это в равной степени применимо и к межгосударственным делам (см. Соединенное Королевство, 18 января 1978 г., § 161, Серия А, № 25). Бремя доказывания может быть легче удовлетворить на практике в межгосударственном контексте, когда могут быть приняты во внимание факты многих инцидентов и многочисленных событий. Но даже в отдельных случаях прецедентная практика Суда выявила ситуации, в которых строгость этого правила может быть смягчена.

183. Такое доказательство может следовать из сосуществования достаточно сильных, ясных и согласованных выводов или подобных неопровергнутых презумпций факта (там же). Таким образом, в тех случаях, когда рассматриваемые события полностью или в значительной степени находятся в пределах исключительного ведома властей, как в случае с лицами, находящимися под их контролем, в заключении, возникают сильные презумпции факта в отношении травм, смерти или исчезновений, произошедших во время такого задержания. В таком случае бремя доказывания может считаться возложенным на власти в плане предоставления удовлетворительного и убедительного объяснения (см. Салман против Турции [БП], № 21896/93, § 100, ECHR 2000-VII, и Акдениз и другие против Турции).

Турция, № 23954/94, §§ 85-89, 31 мая 2001 г.); см. также дела без содержания под стражей,

184. В качестве логического развития этого подхода в ситуации, когда лица найдены ранеными, мертвыми или пропавшими без вести в районе, находящемся под исключительным контролем властей государства, и имеются *prima facie* доказательства возможной причастности государства, бремя доказывания может также переложиться на Правительство, поскольку рассматриваемые события могут полностью или в значительной степени находиться в пределах исключительной компетенции властей. Если они затем не раскроют важные документы, позволяющие Суду установить факты, или иным образом предоставить удовлетворительное и убедительное объяснение, могут быть сделаны серьезные выводы (см. Аккум и другие против Турции, № 21894/93, § 211, ЕСПЧ 2005 г.). -II, а также среди многих дел, касающихся ситуации в Чечне, Гойгова против России, № 74240/01, §§ 88-96, 4 октября 2007 г., и Магомед Мусаев и другие против России, № 8979/02,

185. Возвращаясь к настоящему делу, Суд отмечает, что государство-ответчик не согласилось с тем, что пропавшие без вести мужчины были взяты под стражу под их ответственность. Суд также не должен пытаться установить, что произошло в 1974 году, что находится вне его временной юрисдикции. Тем не менее, он удовлетворен тем, что существует весьма спорный случай, когда двух мужчин в последний раз видели при обстоятельствах, подпадающих под контроль турецких сил или сил киприотов-турок, а именно Элефтериоса Тома и Савваса Хаджипантели, которые были включены в список МККК в качестве задержанных (см. пункты 77 и 80 выше). Что касается остальных семерых мужчин, то таких документальных свидетельств фактического задержания не поступало. Тем не менее, существует спорный случай, когда остальных семерых мужчин в последний раз видели в районе под или вот-вот под контроль над турецкими вооруженными силами. Умерли ли они в бою или от ран или попали в плен в качестве пленных, их все равно нужно учитывать. Статья 2 должна толковаться, насколько это возможно, в свете общих принципов международного права, включая нормы международного гуманитарного права, которые играют незаменимую и общепризнанную роль в смягчении жестокости и бесчеловечности вооруженного конфликта.¹(см. упомянутое выше Постановление

1. См. Первую Женевскую конвенцию об улучшении участи раненых и больных в действующих вооруженных силах (впервые принята в 1864 г., последний раз пересмотрена в 1949 г.); Вторую Женевскую конвенцию об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море (впервые принята в 1949 г.); Третью Женевскую конвенцию об обращении с военнопленными (впервые принята в 1929 г., последний раз пересмотрена в 1949

Европейского Суда по делу "Лоизиду против Соединенного Королевства", § 43). Таким образом, Суд соглашается с доводом Палаты, утверждая, что в зоне международного конфликта Договаривающиеся государства обязаны защищать жизни тех, кто не участвует или более не участвует в военных действиях. Это также распространяется на оказание медицинской помощи раненым; когда комбатанты погибли или получили ранения, необходимость привлечения к ответственности требует надлежащего захоронения останков и требует от властей сбора и предоставления информации о личности и судьбе соответствующих лиц или разрешения таких организаций, как МККК, сделать это.

186. В настоящем деле Правительство-ответчик не представило каких-либо материалов или конкретной информации, которые свидетельствовали бы о том, что кто-либо из пропавших без вести мужчин был найден мертвым или убит в зоне конфликта, находящейся под их контролем. Нет и другого убедительного объяснения того, что могло с ними случиться, которое могло бы опровергнуть утверждения заявителей о том, что эти люди исчезли в районах, находящихся под исключительным контролем правительства-ответчика. В свете выводов по четвертому межгосударственному делу, которые не оспаривались, эти исчезновения произошли при угрожающих жизни обстоятельствах, когда проведение военных операций сопровождалось массовыми арестами и убийствами. Таким образом, статья 2 налагает на государство-ответчика постоянное обязательство отчитываться о местонахождении и судьбе пропавших без вести в настоящем деле; если это оправдано, могут быть эффективно приняты последующие меры по возмещению ущерба.

2. Соблюдение процессуального обязательства

187. Суд отмечает, что в четвертом межгосударственном деле Большая палата установила следующее:

«134. ... Суд не может не отметить, что власти государства-ответчика никогда не проводили расследования утверждений родственников пропавших без вести лиц о том, что последние исчезли после задержания при обстоятельствах, при которых имелись реальные основания опасаться за их благополучие. В этой связи следует отметить, что никаких официальных действий по поводу тревожного заявления г-на Денкташа не последовало. Не было предпринято никаких попыток установить имена лиц, которые, как сообщается, были переданы из-под стражи турками в руки военизированных формирований киприотов-турок, или выяснить местонахождение мест, где были захоронены тела. Также не представляется, что было проведено какое-либо официальное

г.); и Четвертая Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны (впервые принята в 1949 г.) вместе с тремя дополнительными протоколами о поправках: Протоколом I (1977 г.), Протоколом II (1977 г.) и Протоколом III (2005 г.).

расследование утверждения о том, что пленные греки-киприоты были переведены в Турцию.

135. Суд согласен с государством-заявителем в том, что рассматриваемое процессуальное обязательство государства-ответчика не может быть выполнено за счет его участия в следственной работе СМР. Как и Комиссия, Суд отмечает, что, хотя процедуры СМР, несомненно, полезны для гуманитарной цели, ради которой они были созданы, они сами по себе недостаточны для соответствия стандарту эффективного расследования, требуемого статьей 2 Конвенции, особенно в случаях ввиду узкого масштаба расследований этого органа (см. пункт 27 выше).

136. Принимая во внимание вышеизложенные соображения, Суд заключает, что имело место продолжающееся нарушение статьи 2 в связи с неспособностью властей государства-ответчика провести эффективное расследование, направленное на выяснение местонахождения и судьбы пропавшего без вести грека-киприота. лиц, пропавших без вести при угрожающих жизни обстоятельствах».

188. Аргументы правительства-ответчика фактически побудили Суд пересмотреть вышеуказанный вывод относительно неэффективности СМР в обеспечении надлежащего расследования судьбы пропавших без вести мужчин. Они утверждали, что следует должным образом учитывать чрезвычайно деликатный и болезненный контекст, в котором международное сообщество сочло уместным предусмотреть двухобщинный механизм. Они также утверждали, что круг полномочий СМР не следует рассматривать как решающий, но что впечатляющему возобновлению его деятельности и его недавним достижениям в обнаружении и идентификации останков следует придавать первостепенное значение.

189. Суд считает, во-первых, что Большая палата в четвертом межгосударственном деле полностью осознавала предысторию и деликатность ситуации, когда она пришла к выводу, что процедуры СМР не соответствуют стандарту расследования, требуемому статьей 2. Что касается второго аргумента, он полностью признает важность продолжающихся эксгумаций и опознаний останков СМР и полностью признает работу, проделанную по предоставлению информации и возвращению останков родственникам (см. также решение Комитета министров в пункте 88 выше) . Но хотя эти меры важны как первый шаг в процессе расследования, они не исчерпывают обязательства по статье 2.

190. Из материалов, предоставленных в отношении Савваса Хаджипантели, следует, что при опознании останков процедура заключается в выдаче медицинского свидетельства о смерти, в котором в краткой форме указываются телесные повреждения, отмеченные как повлекшие смерть – в его случае наличие различных пулевых ранений. Однако нет отчета с анализом обстоятельств или даже даты смерти. Также не были предприняты какие-либо

следственные действия для установления местонахождения или допроса свидетелей в этом районе, которые могли бы дать информацию о том, как Саввас Хаджипантели и другие, найденные вместе с ним в братской могиле, нашли свой конец и от чьих рук. Таким образом, хотя местонахождение тела Савваса Хаджипантели и установлено, нельзя сказать, оставив в стороне предположения и домыслы, что пролился какой-либо ясный свет на то, как он встретил свою судьбу.

191. Суд не сомневается, что через много лет после событий возникнут значительные трудности при сборе показаний очевидцев или при установлении и возбуждении дела против любых предполагаемых преступников. Однако прецедентная практика Суда в отношении процессуального обязательства недвусмысленна. Основной целью такого расследования является обеспечение эффективного применения национальных законов, защищающих право на жизнь, и, в тех случаях, когда речь идет о государственных агентах или органах, обеспечение их ответственности за смерть, наступившую под их ответственностью. Даже если могут существовать препятствия, препятствующие продвижению расследования в конкретной ситуации, незамедлительная реакция властей имеет жизненно важное значение для поддержания общественного доверия к их приверженности принципу верховенства закона и для предотвращения любых проявлений сговора или терпимости к незаконным действиям (см. McKerr против Соединенного Королевства, № 28883/95, §§ 111 и 114, ЕСПЧ 2001III и Брекнелл против Соединенного Королевства, № 32457/04, § 65, 27 ноября 2007 г.). Помимо того, что расследование должно быть независимым, доступным для семьи потерпевшего, проводиться с разумной быстротой и быстротой и обеспечивать достаточный элемент общественного контроля над расследованием или его результатами, оно также должно быть эффективным в том смысле, что оно способно привести к установлению того, была ли смерть вызвана незаконным, и если да, то до установления и наказания виновных (см. Оғиг против Турции [БП], № 21594/93, § 88, ECHR 1999III; Соединенное Королевство, нет. 24746/94, §§ 105-09, 4 мая 2001 г.; и Дуглас-Уильямс против Соединенного Королевства (реш.), №. 56413/00, 8 января 2002 г.).

192. Суд не находит признаков того, что СМР выходит за рамки своих ограниченных полномочий, чтобы играть какую-либо роль в установлении фактов, связанных со смертью пропавших без вести лиц, которые были идентифицированы, или в сборе или оценке доказательств с целью задержания любых виновных в незаконных преступлениях. применение насилия в уголовном преследовании. Никакой другой орган или орган власти не берут на себя эту роль. Может случиться так, что расследования окажутся безрезультатными

или будет недостаточно доказательств. Однако такой результат не является неизбежным даже на этой поздней стадии, и правительство-ответчик не может быть освобождено от принятия необходимых мер. В качестве примера Суд отмечает, что в контексте Северной Ирландии власти предусмотрели следственные органы (по-разному, группа по рассмотрению серьезных преступлений и группа по историческому расследованию) для изучения файлов о прошлых убийствах на религиозной почве и нераскрытых убийствах, а также для оценки наличия любых новых доказательств и возможности дальнейших следственных действий; в делах, находящихся на рассмотрении Суда, эти меры были признаны с учетом прошедшего времени адекватными при конкретных обстоятельствах (см. Brecknell, упомянутое выше, §§ 71, 75 и 79-81). Поэтому нельзя сказать, что больше ничего нельзя сделать.

193. Возможно, обе стороны в этом конфликте предпочитают не пытаться выносить на свет имевшие место репрессалии, внесудебные казни и массовые убийства или идентифицировать тех из числа своих собственных сил и граждан, которые были причастны к ним. Возможно, они предпочитают «политически деликатный» подход к проблеме пропавших без вести и что КПСС с ее ограниченными полномочиями был единственным решением, которое могло быть согласовано при посредничестве Организации Объединенных Наций. Это не может иметь никакого отношения к применению положений Конвенции.

194. Суд заключает, что имело место продолжающееся нарушение статьи 2 в связи с неспособностью государства-ответчика провести эффективное расследование, направленное на выяснение судьбы девяти человек, пропавших без вести в 1974 году.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

195. Статья 3 предусматривает:

«Никто не может быть подвергнут пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

A. Решение Камеры

196. Ссылаясь на четвертое межгосударственное дело, Палата также установила нарушение статьи 3 в отношении бесчеловечного обращения с родственниками заявителей из-за многолетнего молчания о пропавших без вести мужчинах.

В. Заявления в Суд

1. Заявители

197. Заявители согласились с аргументацией Палаты, подчеркнув, что вторые заявители не имели никаких известий о своих близких в течение тридцати четырех лет, испытывая ежедневные страдания и страдания, усугубляемые недавними газетными сообщениями о том, что некоторые пропавшие без вести лица использовались в качестве подопытных кроликов в Биохимические лаборатории турецкой армии.

2. Правительство-ответчик

198. Правительство-ответчик утверждало, что ни один из пропавших без вести мужчин не подвергался насильственному задержанию и что никаких вопросов не возникало.

3. Правительство Кипра

199. Правительство Кипра утверждало, что заявители стали жертвами продолжающегося бесчеловечного обращения. Все они были женами или родителями пропавших мужчин; в трех случаях, после смерти родителя, сестра или брат пропавшего без вести лица приняли заявление. Они никогда не отказывались от попыток выяснить, что произошло, и их страдания усугублялись тем фактом, что были люди с информацией, которые не раскрывали то, что они знали.

С. Оценка Суда

200. Явление исчезновений ложится особым бременем на родственников пропавших без вести лиц, которые остаются в неведении о судьбе своих близких и страдают от неуверенности. Таким образом, прецедентная практика Суда с самого начала признала, что положение родственников может свидетельствовать о бесчеловечном и унижающем достоинство обращении, противоречащем статье 3. Суть нарушения заключается не в том, что имело место серьезное нарушение прав человека в отношении пропавшего лица; оно заключается в реакции и отношении властей к ситуации, когда она была доведена до их сведения (см. среди многих других органов власти дело Орхан против Турции, № 25656/94, § 358, 18 июня 2002 г., и Имакаева, упомянутое выше, § 164). Другие важные факторы включают близость семейных уз, особые обстоятельства отношений, степень, в которой член семьи был свидетелем рассматриваемых событий, а также участие члена семьи в попытках получить информацию об исчезнувшем лице (см. Tanış and Others,

упомянутое выше, § 219). Установление такого нарушения не ограничивается случаями, когда государство-ответчик было привлечено к ответственности за исчезновение (см. Османоглу, упомянутое выше, § 96), но может возникать, когда власти не отреагировали на запрос информации со стороны родственников или препятствия на их пути, в результате чего на них ложится основная тяжесть усилий по раскрытию каких-либо фактов, может быть расценено как вопиющее, постоянное и бессердечное пренебрежение обязанностью сообщить о местонахождении и судьбе пропавшего без вести лица. и причастность члена семьи к попыткам получить информацию об исчезнувшем лице (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Таныш и другие против Соединенного Королевства", § 219). Установление такого нарушения не ограничивается случаями, когда государство-ответчик было привлечено к ответственности за исчезновение (см. Османоглу, упомянутое выше, § 96), но может возникать, когда власти не отреагировали на запрос информации со стороны родственников или препятствия на их пути, в результате чего на них ложится основная тяжесть усилий по раскрытию каких-либо фактов, может быть расценено как вопиющее, постоянное и бессердечное пренебрежение обязанностью сообщить о местонахождении и судьбе пропавшего без вести лица. и причастность члена семьи к попыткам получить информацию об исчезнувшем лице (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Таныш и другие против Соединенного Королевства", § 219). Установление такого нарушения не ограничивается случаями, когда государство-ответчик было привлечено к ответственности за исчезновение (см. Османоглу, упомянутое выше, § 96), но может возникать, когда власти не отреагировали на запрос информации со стороны родственников или препятствия на их пути, в результате чего на них ложится основная тяжесть усилий по раскрытию каких-либо фактов, может быть расценено как вопиющее, постоянное и бессердечное пренебрежение обязанностью сообщить о местонахождении и судьбе пропавшего без вести лица.

201. Суд отмечает, что в четвертом межгосударственном деле Большая палата установила, что в контексте исчезновений в 1974 г., когда военная операция привела к значительным человеческим жертвам, массовым арестам и задержаниям и насильственному разлучению семей, родственники из пропавших без вести мужчин страдали от того, что не знали, был ли член их семьи убит в ходе конфликта или был взят под стражу, и из-за продолжающегося раздела Кипра столкнулись с очень серьезными препятствиями в поисках информации. Молчание властей государства-ответчика перед лицом реальных опасений родственников можно квалифицировать только как

бесчеловечное обращение (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Кипр против Турции", § 157).

202. Суд не находит оснований, по которым он может отличаться от этого вывода в настоящем деле. Продолжительность времени, в течение которого тянулись испытания родственников, и безразличное отношение официальных лиц к их острой тревоге узнать о судьбе своих близких членов семьи обнажают ситуацию, достигающую необходимой степени тяжести. Соответственно, имело место нарушение статьи 3 в отношении заявителей.

V. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

203. Статья 5 Конвенции предусматривает, в соответствующих случаях:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

(а) законное задержание лица после вынесения обвинительного приговора компетентным судом;

(b) законный арест или задержание лица за невыполнение законного постановления суда или в целях обеспечения выполнения любого обязательства, предусмотренного законом;

(с) законный арест или задержание лица, осуществляемые с целью доставить его к компетентному судебному органу по обоснованному подозрению в совершении преступления или когда разумно считать необходимым предотвратить его совершение преступления или бегство после совершения преступления ; ...

2. Каждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявленное ему обвинение.

3. Каждый арестованный или задержанный в соответствии с положениями пункта 1(с) настоящей статьи должен быть незамедлительно доставлен к судье или другому должностному лицу, уполномоченному законом осуществлять судебную власть, и имеет право на судебное разбирательство в разумный срок или на освобождение. в ожидании суда. Освобождение может быть обусловлено гарантиями явки в суд.

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или задержания, имеет право возбудить дело, в ходе которого суд безотлагательно решает законность его задержания и выносит постановление о его освобождении, если задержание незаконно.

5. Каждый, кто стал жертвой ареста или содержания под стражей в нарушение положений настоящей статьи, имеет право на компенсацию».

А. Решение Камеры

204. Палата, сославшись на четвертое межгосударственное дело, установила нарушение статьи 5 в связи с неспособностью властей обеспечить эффективное расследование местонахождения девяти пропавших без вести мужчин, в отношении которых имелись спорные утверждения о том, что они были лишены свободы в момент исчезновения.

В. Заявления в Суд

205. Заявители утверждали, что процессуальное нарушение имело место, поскольку всех пропавших без вести мужчин в последний раз видели живыми в районе, который после их исчезновения или сразу после этого перешел под контроль государства-ответчика. Была создана презумпция того, что эти люди были задержаны или попали под контроль турецкой армии или сил, за которые они несут ответственность, что возлагает на правительство-ответчик ответственность за их судьбу и возлагает на них обязательство отчитываться за них и выполнять оперативное, эффективное, независимое и тщательное расследование.

206. Правительство-ответчик утверждало, что ни один из пропавших без вести мужчин не был задержан и не оставался под стражей и что утверждения заявителей были чисто гипотетическими. Нечего было предполагать, и было бы крайне нелогично предполагать, что какой-либо пропавший без вести киприот-грек все еще задерживается турецкими или кипрско-турецкими властями.

207. Правительство Кипра утверждало, что имеются доказательства, не вызывающие разумных сомнений, что двое из пропавших без вести мужчин, Тома и Хаджипантели, были задержаны Турцией. Однако турецкие власти не представили достоверных и убедительных сведений о том, что с ними произошло; для этого не существовало надлежащих официальных записей или системы, а также не было оперативного и эффективного расследования. Это выявило многочисленные продолжающиеся нарушения статьи 5; и, по их утверждению, непризнание турецкими властями содержания под стражей нарушило статью 5, несмотря на то, что ни один заявитель не смог поднять этот вопрос в Суде..

С. Оценка Суда

208. Суд отмечает, что выше он установил, что существовало *prima facie* или спорное дело о том, что двоих мужчин в последний раз видели при обстоятельствах, подпадающих под контроль турецких или

кипрско-турецких сил, а именно Элефтериоса Тома и Савваса Хаджипантели, которые были включены в МККК числит задержанных (см. пункты 77 и 80 выше). С тех пор их никто не видел. Однако турецкие власти не признали их задержание; они не представили никаких документальных свидетельств, подтверждающих официальные следы их перемещений. Суд отмечает явное игнорирование процессуальных гарантий, применимых к задержанию лиц. Хотя нет никаких доказательств того, что кто-либо из пропавших без вести лиц все еще находился под стражей в рассматриваемый Судом период, Правительство Турции по-прежнему обязано продемонстрировать, что с тех пор оно провело эффективное расследование спорного заявления о том, что двое пропавших без вести мужчин были взяты под стражу и впоследствии их никто не видел (см.). Приведенные выше выводы Суда в отношении статьи 2 не оставляют сомнений в том, что власти также не провели необходимого расследования в этом отношении. Это свидетельствует о продолжающемся нарушении статьи 5.

209. В отношении остальных семи пропавших без вести достаточных доказательных оснований, нарушения статьи 5 в этой связи не выявлено.

VI. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЕЙ 4, 6, 8, 10, 12, 13 И 14 КОНВЕНЦИИ

210. Заявители первоначально ссылались на статьи 4 (запрещение рабства и принудительного труда), 6 (право на справедливое судебное разбирательство), 8 (право на уважение семейной и частной жизни), 10 (свобода выражения мнений), 12 (право на вступление в брак и нашел семью), 13 (эффективное средство правовой защиты от спорных нарушений Конвенции) и 14 (запрет дискриминации при осуществлении прав, предусмотренных Конвенцией). В своих последних представлениях они сохранили свои жалобы по вышеуказанному, за исключением статьи 4.

211. Принимая во внимание факты дела, заявления сторон и свои выводы в соответствии со статьями 2, 3 и 5 Конвенции, Суд считает, что он рассмотрел основные правовые вопросы, поднятые в настоящей жалобе, и что нет необходимости вынести отдельное постановление по остальным жалобам заявителей.

VII. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЕЙ 46 И 41 КОНВЕНЦИИ

212. Статья 46 предусматривает:

«1. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются соблюдать окончательное решение Суда по любому делу, сторонами которого они являются.

2. Окончательное решение Суда передается в Комитет министров, который осуществляет надзор за его исполнением».

213. Статья 41 предусматривает:

«Если Суд установит, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, и если внутреннее право заинтересованной Высокой Договаривающейся Стороны допускает лишь частичное возмещение, Суд, в случае необходимости, предоставляет справедливое удовлетворение пострадавшей стороне».

А. Ущерб

1. Решение Камеры

214. Палата не нашла оснований для присуждения компенсации материального ущерба. Он отказался удовлетворить очень высокие требования заявителей в отношении морального вреда, подчеркнув, что статья 41 не предусматривает применения штрафных санкций к правительствам-ответчикам. В нем учитывался контекст, в котором пропали без вести около 1400 киприотов-греков и 500 киприотов-турок, а также тот факт, что Комитет министров находился в процессе наблюдения за исполнением решения по четвертому межгосударственному делу, в связи с чем решающим элементом будет принятие, наконец, мер по выяснению судьбы как можно большего числа пропавших без вести мужчин, женщин и детей. Он пришел к выводу, что в этих уникальных обстоятельствах было бы ни уместно, ни конструктивно, ни даже справедливо, выносить дополнительные конкретные награды или рекомендации в отношении отдельных заявителей. Таким образом, установление нарушений само по себе считалось достаточной справедливой компенсацией.

2. Заявления в суд

(а) Требования заявителей

215. Заявители утверждали, что продолжающееся нежелание Турции соблюдать свои обязательства являлось нарушением статьи 46; это затронуло сотни семей киприотов-греков и поставило под угрозу эффективность системы Конвенции; они призвали Суд поручить правительству-ответчику выполнить свои юридические обязательства по статьям 2, 3, 5, 8, 10, 13 и 14 Конвенции в отношении заявителей, проведя оперативное и эффективное расследование судьбы и местонахождения пропавших без вести, обнародование результатов, немедленное и безоговорочное освобождение и репатриацию всех, кто все еще находится под стражей в Турции, и возвращение останков тех, кто, как было доказано, мертв. В случае отсутствия таких шагов, в

качестве поощрения, Правительство-ответчик должно выплачивать каждому заявителю 24 кипрских фунта (СҮР) в день,

216. В качестве компенсации морального вреда заявители потребовали по этому пункту 407 550 евро (евро) в отношении нарушений, совершенных каждым из пропавших без вести мужчин, такие суммы должны быть удержаны заявителями от их имени и от имени их наследников, и евро 543 400 евро на каждого из заявителей или их правопреемников (а именно 6 175 евро за каждый год нарушения с 1987 по 2009 год в отношении каждого нарушения). По их мнению, такая компенсация была необходима, поскольку нарушения были многочисленными и серьезными, продолжались более тридцати четырех лет, носили массовый и систематический характер и усугублялись вопиющим игнорированием выводов органов Конвенции. Палата, не присудив решения, допустила, как они уважительно заявили, ошибку и действовала дискриминационным образом, несовместимым с практикой Суда.

(b) Ответ правительства-ответчика

217. Что касается морального вреда, правительство-ответчик сочло неуместным присуждать какую-либо компенсацию, поскольку утверждения носили в основном презумптивный характер, а в файлах Комитета Организации Объединенных Наций по пропавшим без вести на Кипре («СМР») не было подтверждений того, что мужчины были взяты под стражу, и все, кроме одного, пропали без вести в ситуации конфликта, который неизбежно влек за собой определенный риск для жизни. Они также утверждали, что в деятельности КС/СС был достигнут существенный прогресс и что, поскольку вопрос об исчезновениях касается обеих общин, присуждение кипрско-греческим семьям усугубит раны кипрско-турецких семей с пропавшими без вести родственниками и не поможет в процессе примирения. Кроме того, заявленные убытки были чрезмерно и беспрецедентно высоки.

(c) Комментарии вступившего в дело правительства

218. Правительство, вступившее в дело, утверждало, что Суд должен определить меры, которые необходимо принять, чтобы положить конец продолжающимся нарушениям, цель которых не может быть достигнута только путем возмещения ущерба. Возмещение должно предоставляться в форме компенсации. Не присуждая таких убытков, Палата отошла от постоянной практики в делах об исчезновениях. Четвертое межгосударственное дело не имеет отношения к делу, поскольку неизвестно, может ли и будет ли присуждена компенсация. Награды должны учитывать предыдущие награды и продолжительность нарушений.

219. Они просили Суд потребовать от правительства Турции провести эффективное расследование судьбы пропавших без вести лиц, указав, что требуется, и принять меры для предотвращения случаев исчезновения и угроз праву на жизнь в нарушение статей 2 и 5. .

(d) Представления путем возмещения ущерба

220. Redress, международная неправительственная организация, заявила, что в соответствии с международным публичным правом установление нарушения влечет за собой обязательство возместить ущерб. В делах об исчезновении целью является *restitutio in integrum*, а там, где это невозможно, рассматриваются компенсация и другие адекватные и надлежащие формы возмещения ущерба. Компенсация должна быть пропорциональна тяжести нарушения и обстоятельствам дела. Они также утверждали, что в соответствии с прецедентной практикой этого Суда эффективное средство правовой защиты требует эффективного расследования дела, в то время как Международная конвенция для защиты всех лиц от насильственных исчезновений предусматривает принятие мер, позволяющих жертвам узнать правду. относительно обстоятельств исчезновения. В делах об исчезновениях Интер-Американский суд по правам человека распорядился об эксгумации и возвращении тела, а также о возмещении морального вреда, расследовании обстоятельств и публикации фактов дела. Право знать правду было также признано Комитетом ООН по правам человека. В ряде договорных текстов и постановлений говорится о необходимости принятия специальных мер для прекращения продолжающихся и продолжающихся нарушений и обеспечения гарантий от их повторения.

221. Они отметили, что Суд присуждал компенсацию в большинстве, если не во всех случаях исчезновения, и постановил в соответствии со статьей 13, что в случае нарушения статей 2 и 3 компенсация в принципе должна быть доступна. Продолжительность нарушений имела отношение к оценке ущерба. Перспектива принятия общих мер не отменяет обязательства по возмещению ущерба в индивидуальном порядке. Суд также мог в каждом отдельном случае указать дополнительные формы справедливой компенсации, чтобы положить конец существующим нарушениям и предотвратить их повторение.

3. Оценка Суда

(а) Статья 46 Конвенции

222. Что касается мнения заявителей относительно обеспечения эффективного расследования, Суд повторяет общий принцип, согласно которому государство-ответчик остается свободным в выборе средств, с помощью которых оно будет выполнять свои юридические обязательства по статье 46 Конвенции, при условии, что такие средства совместимы с выводами, изложенными в постановлении Суда (см. *Scozzari and Giunta v. Italy* [GC], №№ 39221/98 и 41963/98, § 249, ECHR 2000-VIII, и *Andrejeva против Латвии* [GC], no. 55707/00, § 110, ECHR 2009). Следовательно, он считает, что в этих заявлениях Комитет министров, действующий в соответствии со статьей 46 Конвенции, должен решать вопросы относительно того, что может потребоваться в практическом плане в порядке соблюдения (см., с соответствующими изменениями, *Akdivar and Others v. Турция* (статья 50), 1 апреля 1998 г., § 47,-II).

223. Поскольку заявители предлагали налагать на правительство-ответчика ежедневные штрафы до тех пор, пока они, наконец, не выполнят решения Суда, Суд последовательно отклонял требования о возмещении штрафных убытков (см. *Akdivar and Others*, упомянутое выше, § 38, и *Orhan v. Турция*, № 25656/94, § 448, 18 июня 2002 г.). Он считает, что в соответствии с Конвенцией существует мало возможностей, если таковые имеются, для того, чтобы предписать правительствам выплатить штрафы заявителям, которые не связаны с доказанным фактически понесенным ущербом в связи с прошлыми нарушениями Конвенции; поскольку такие суммы предназначались для компенсации будущих страданий заявителей, это было бы в высшей степени спекулятивным.

(b) Статья 41 Конвенции

224. Суд отмечает, что в нем нет прямого положения о возмещении морального или морального вреда. Развиваясь от случая к случаю, подход Суда к присуждению справедливой компенсации различал ситуации, когда заявитель перенес очевидную травму, будь то физическую или психологическую, боль и страдание, дистресс, тревогу, разочарование, чувство несправедливости или унижения, длительную неопределенность, нарушение жизни. или реальной потерей возможности (см., например, *Эльсхольц против Германии* [БП], № 25735/94, § 70, ЕСПЧ 2000VIII; *Сельмуни против Франции* [БП], № 25803/94, § 123, ЕСПЧ 1999V; и *Smith and Grady против Соединенного Королевства* (справедливая компенсация), № 33985/96 и 33986/96, § 12, ECHR 2000IX), а также те ситуации, когда публичное

оправдание несправедливости, понесенной заявителем, в судебном решении обязательной для Договаривающегося государства, сама по себе является мощной формой возмещения ущерба. Во многих случаях, когда обнаруживается, что закон, процедура или практика не соответствуют стандартам Конвенции, этого достаточно, чтобы исправить положение (см., например, *Christine Goodwin v. the United Kingdom* [GC], № 28957/95, § 120, ЕЧП 2002VI, *Саади против Италии* [БП], № 37201/06, § 188, ЕСПЧ 2008 г., и *С. и Марпер против Соединенного Королевства* [БП], № 30562/04 и 30566/04, § 134, ЕСПЧ 2008 г.). Однако в некоторых ситуациях последствия нарушения могут рассматриваться как имеющие такой характер и степень, что они настолько серьезно повлияли на моральное благополучие заявителя, что требуют дополнительных действий. Такие элементы не поддаются процессу расчета или точной количественной оценке. Роль Суда также не заключается в том, чтобы действовать подобно национальному суду по деликтному праву при распределении вины и возмещении убытков между гражданскими сторонами. Его руководящим принципом является справедливость, которая прежде всего предполагает гибкость и объективное рассмотрение того, что является справедливым, справедливым и разумным во всех обстоятельствах дела, включая не только положение заявителя, но и общий контекст, в котором произошло нарушение. Его нематериальные компенсации служат для признания того факта, что моральный ущерб был причинен в результате нарушения основного права человека, и отражают в самом широком смысле тяжесть ущерба; они не предназначены и не должны быть предназначены для финансового утешения или сочувственного обогащения за счет заинтересованной Договаривающейся Стороны. что прежде всего предполагает гибкость и объективное рассмотрение того, что является справедливым, справедливым и разумным во всех обстоятельствах дела, включая не только положение заявителя, но и общий контекст, в котором произошло нарушение. Его нематериальные компенсации служат для признания того факта, что моральный ущерб был причинен в результате нарушения основных прав человека, и отражают в самом широком смысле тяжесть ущерба; они не предназначены и не должны

быть предназначены для финансового утешения или сочувственного обогащения за счет заинтересованной Договаривающейся Стороны. Его нематериальные компенсации служат для признания того факта, что моральный ущерб был причинен в результате нарушения основных прав человека, и отражают в самом широком смысле тяжесть ущерба; они не предназначены и не должны быть предназначены для финансового утешения или сочувственного обогащения за счет заинтересованной Договаривающейся Стороны. Его нематериальные компенсации служат для признания того факта, что моральный ущерб был причинен в результате нарушения основных прав человека, и отражают в самом широком смысле тяжесть ущерба; они не предназначены и не должны быть предназначены для финансового утешения или сочувственного обогащения за счет заинтересованной Договаривающейся Стороны.

225. Таким образом, дело не в том, что существует конкретная шкала возмещения ущерба, которая должна быть присуждена по делам об исчезновениях, как это пытались сделать заявители на основании прошлых дел об исчезновениях в России и Турции. Суд также не может согласиться с тем, что Палата допустила ошибку, приняв во внимание предысторию дела и продолжающийся процесс казни в Комитете министров. Как явствует из собственных представлений заявителей, их главная забота состоит в том, чтобы положить конец неопределенности путем предоставления информации о том, что случилось с их родственниками так давно. Тем не менее, заявители пережили десятилетия незнания, что, должно быть, оставило на них глубокий след. Учитывая тяжесть дела и оценку на справедливой основе, Суд присуждает сумму в размере 12 евро,

Б. Затраты и расходы

1. Доводы сторон

226. Представители заявителей Андреаса и Гиоргуллы Варнавы (№ 16064/90), Димитриса Теохаридеса и наследников Элли Теохариду (№ 16068/90), Элефтериоса и наследников Христа Тома (№ 16070/90), Савваса и Георгиос Апостолидес (№ 16072/90), а также Леонтис Деметриу и Янулла Леонти Сарма (№ 16073/90) потребовали 5 778,41 кипрских фунтов, включая налог на добавленную стоимость (НДС), по каждому заявлению о возмещении расходов и издержек до направления в Большой Палата плюс 6 299,58 евро, включая НДС, на расходы перед Большой Палатой. Это составило в общей сложности 16 172,58 евро на заявку.

227. Представители Андреаса Лоизидеса и наследников Лоизоса Лоизидеса (№ 16065/90), Филиппоса Константину и Деметриса К.

Пейотиса (№ 16066/90), Паникоса и Хрисулы Хараламбус (№ 16069/90), а также Савваса и Андрулы Хаджипантели (№ 16069/90). № 16071/90) предоставил ведомости расходов на сумму 5 186,16 кипрских фунтов, включая НДС, за заявление о расходах и расходах до передачи в Большую палату и 6 299,58 евро, включая НДС, за заявление о расходах в Большой палате. Это составило в общей сложности 14 960,66 евро на заявку.

228. Правительство-ответчик заявило, что эти требования были преувеличенными и чрезмерными. Все заявки были одинакового характера, а представленные материалы содержали обильные цитаты и воспроизведение более ранних материалов.

2. Решение суда

229. Суд отмечает, что судебные издержки и расходы не будут возмещены в соответствии со статьей 41, если не будет установлено, что они были фактически понесены, были понесены с необходимостью, а также были разумными по размеру. Кроме того, судебные издержки подлежат возмещению только в той мере, в какой они относятся к установленному нарушению (см., например, Бейелер против Италии (справедливая компенсация) [БП], № 33202/96, § 27, 28 мая 2002 г., и против Германии [БП], № 30943/96, § 105, ECHR 2003-VIII).

230. Отмечая, что доводы заявителей были почти полностью идентичны и что не все заявленные нарушения были подтверждены, но принимая во внимание период времени, в течение которого жалобы находились на рассмотрении в органах Конвенции, и многочисленные раунды письменных представлений, Суд присуждает 8 000 евро за заявку на покрытие расходов и расходов плюс любые налоги, которые могут взиматься с заявителей с такой суммы.

С. Проценты за неуплату

231. Суд считает целесообразным, чтобы процентная ставка по умолчанию основывалась на предельной кредитной ставке Европейского центрального банка, к которой следует добавить три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ПРИЧИНАМ СУД

1. Отклоняет шестнадцатью голосами против одного предварительные возражения правительства-ответчика относительно отсутствия юридического интереса;

2. Отклоняет шестнадцатью голосами против одного предварительное возражение правительства-ответчика относительно отсутствия временной юрисдикции;
3. Отклоняет пятнадцатью голосами против двух предварительное возражение правительства-ответчика в отношении правила шести месяцев;
4. Постановил шестнадцатью голосами против одного, что имело место продолжающееся нарушение статьи 2 Конвенции в связи с неспособностью властей государства-ответчика провести эффективное расследование судьбы девяти человек, пропавших без вести при жизни: угрожающие обстоятельства;
5. Постановил шестнадцатью голосами против одного, что имело место продолжающееся нарушение статьи 3 Конвенции в отношении заявителей;
6. Постановил шестнадцатью голосами против одного, что имело место продолжающееся нарушение статьи 5 Конвенции в силу неспособности властей государства-ответчика провести эффективное расследование судьбы Элефтериоса Тома и Савваса Хаджипантели;
7. Единогласно постановил, что нарушения статьи 5 Конвенции в связи с неспособностью властей государства-ответчика провести эффективное расследование судьбы других семи пропавших без вести мужчин не имело место;
8. Постановил единогласно, что нет необходимости рассматривать жалобы по статьям 4, 6, 8, 10, 12, 13 и 14 Конвенции;
9. Принято решение шестнадцатью голосами против одного.
 - (a) что государство-ответчик должно выплатить в течение трех месяцев следующие суммы:
 - (i) 12 000 евро (двенадцать тысяч евро) за каждое заявление плюс любые налоги, которые могут взиматься, в отношении морального вреда;
 - (ii) 8 000 евро (восемь тысяч евро) за каждое заявление плюс любые налоги, которые могут взиматься с заявителей или их наследников, в отношении расходов и издержек;
 - (b) что с истечения вышеупомянутых трех месяцев до выплаты простых процентов на вышеуказанные суммы будут выплачиваться

по ставке, равной предельной кредитной ставке Европейского центрального банка в течение периода неисполнения плюс три процентных пункта;

10. Единогласно отклоняет остальные требования заявителей о справедливой компенсации.

Совершено на английском и французском языках и оглашено на публичных слушаниях во Дворце прав человека в Страсбурге 18 сентября 2009 г.

Эрик Фриберг
Регистратор

Жан-Поль Коста
президент

В соответствии со статьей 45 § 2 Конвенции и правилом 74 § 2 Регламента Суда к настоящему решению прилагаются следующие отдельные мнения:

- (a) совпадающее мнение судьи Шпильмана, к которому присоединились судьи Зимелеи Калайджиева;
- (b) совместное совпадающее мнение судей Шпильмана и Пауэра;
- (c) совпадающее мнение судьи Зиемеле;
- (d) совпадающее мнение судьи Виллигера;
- (e) особое мнение судьи Эронена.

Ж.-ПК
ЭФ

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ШПИЛЬМАНН, К КОТОРОМУ ПРИСОЕДИНЯЮТСЯ СУДЬИ ЗИМЕЛЕ И КАЛАЙДЖИЕВА

1. Суд постановил, что имело место продолжающееся нарушение статьи 2 Конвенции в связи с неспособностью властей государства-ответчика провести эффективное расследование судьбы девяти человек, исчезнувших при угрожающих жизни обстоятельствах. . Я сожалею, что в постановлении и резолютивной части Суд отказался прямо указать, что государство-ответчик должно провести эффективное расследование.

2. На мой взгляд, достойно сожаления то, что Суд решил, что Комитет министров должен указать, что может потребоваться в практическом плане в порядке соблюдения.

3. В соответствии с принципом *restitutio in integrum*, красноречиво изложенным в представлениях Redress (пункт 220 постановления), и подчеркивая обязательство государства, признанного нарушившим Конвенцию, восстановить ситуацию которое существовало до совершения противоправного деяния, Суд должен был указать в мотивировочной и резолютивной части решения, что должно быть проведено эффективное расследование данного вопроса. Ответственность за судьбу пропавших без вести мужчин включает проведение расследования событий и виновных, а также предоставление возможности требовать возмещения ущерба жертвам и родственникам.

4. В пункте 191 постановления Суд подчеркивает, что прецедентная практика Суда в отношении сферы действия процессуального обязательства недвусмысленна и что основной целью такого расследования является обеспечение эффективного применения национального законодательства, защищающего право на жизни и, в тех случаях, когда речь идет о государственных агентах или органах, обеспечить их ответственность за смерть, происшедшую под их ответственностью. Этот общий принцип, взятый из прецедентной практики Суда, должен был быть отражен в пункте 222 и в резолютивной части решения.

5. В силу пункта 2 статьи 46 Конвенции надзор за исполнением постановлений Суда возложен на Комитет министров. Однако это не означает, что Суд не должен играть никакой роли в этом вопросе и не должен принимать меры, направленные на облегчение задачи Комитета министров в выполнении этих функций.

6. Действительно, в прошлом Суд постановлял, что нарушение статьи 2 не может быть устранено исключительно путем возмещения ущерба родственникам жертвы (см. *Kaya v. Turkey*, 19 февраля 1998 г., § 105, Reports of Judgements and Решения 1998I). Как красноречиво

подчеркнула Redress в своих замечаниях, учитывая фундаментальное значение права на защиту жизни, в дополнение к любому компенсационному присуждению государства обязаны провести тщательное и эффективное расследование, которое может привести к установлению и установлению виновных. наказан, и в котором заявитель имеет реальный доступ к следственным действиям (см. Чакиджи против Турции [БП], № 23657/94, §§ 112-13, ECHR 1999IV). Эффективное средство правовой защиты предполагает обязанность провести эффективное официальное расследование инцидента(ов), которое должно быть, среди прочего, «тщательным,

7. С этой целью важно, чтобы в своих постановлениях Суд не просто давал как можно более точное описание характера установленного нарушения Конвенции, но также указывал заинтересованному государству в рассуждениях в соответствии со статьей 46 Конвенции. и в положениях постановляющей части, если того требуют обстоятельства дела, меры, которые он считает наиболее подходящими для обеспечения возмещения ущерба за нарушение.

СОВМЕСТНОЕ СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ SPIELMANN И POWER

1. Мы разделяем мнение большинства о том, что имело место продолжающееся нарушение статьи 2 Конвенции в связи с непроведением властями государства-ответчика эффективного расследования судьбы девяти пропавших без вести мужчин. - угрожающие обстоятельства. Однако мы хотели бы выразить свое несогласие с рассуждениями по вопросу о шестимесячном правиле. В этом отношении мы согласны с анализом, представленным судьей Зиемеле, и, в частности, со ссылкой на общие принципы международного права, изложенные в пункте 2 статьи 14 проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, подготовленного Комиссией международного права.

2. По общему признанию, вполне понятно, что Суд хочет поддержать некоторую правовую определенность, когда речь идет о сроках, в течение которых могут быть поданы жалобы. Несмотря на то, что мы в принципе согласны с тем, что «в случаях исчезновения заявители не могут бесконечно ждать, прежде чем прибыть в Страсбург», и что они «должны продемонстрировать определенную степень усердия и инициативы и незамедлительно представить свои жалобы» (пункт 161). решения), мы все же не должны забывать, что мы имеем дело с продолжающимся нарушением международного обязательства и что государство-ответчик так и не объяснило судьбу пропавших без вести мужчин, не провело расследование событий и виновных и предложило возможность требовать возмещения ущерба потерпевшим и их родственникам.

«...процессуальное обязательство потенциально будет сохраняться до тех пор, пока судьба лица не будет раскрыта; продолжающееся непроведение необходимого расследования будет рассматриваться как продолжающееся нарушение (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Кипр против Турции", § 136)».

3. Чтобы обосновать аргументацию в отношении правила шести месяцев, большинство в значительной степени опирается на тот факт, что Комитет Организации Объединенных Наций по пропавшим без вести («КПК») неэффективен. Мы не можем согласиться с последствиями этой неэффективности в отношении применения правила шести месяцев. В этом отношении мы согласны с замечаниями судьи Зиемеле относительно ограниченного мандата КС/СС и разделяем ее мнение о том, что тот факт, что КС/СС не был эффективным, является лишь одним из ряда критериев (и далеко не самым важным) при принятии решения о применении или

неприменение правила шестимесячного срока в разбирательстве в Суде.

4. Мы хотели бы добавить следующее. Поскольку Большая палата не связана прецедентами Байбора и другие против Кипра и Карабардак и другие против Кипра ((реш.), № 77116/01 и 76575/01, 22 октября 2002 г.), мы не понимаем, почему большинство сочло необходимым отличить настоящее дело от дел, рассмотренных в 2002 г., заявив, что заявители по этим двум делам «неоправданно медлили с подачей своих жалоб в Суд». Мы считаем, что не было необходимости разрабатывать конкретную аргументацию, подчеркивающую отличительные черты дел «Байбора и другие» и «Карабардак и другие», которые касались заявлений, поданных семьями киприотов-турок, пропавших без вести во время межобщинных беспорядков в 1960-х годах. В пункте 171, большинство признает, что «решения Палаты по вышеупомянутым делам очень лаконичны; а при отсутствии доводов сторон нет и объяснительной аргументации». При таких обстоятельствах мы не можем согласиться с выводом о том, что в делах «Байбора и другие» и «Карабардак и другие» заявители «неоправданно медлили с представлением своих жалоб в Суд».

5. В отсутствие подробных аргументов, представленных сторонами, мы сожалеем, что жалобы по делам Байбора и другие и Карабардак и другие были отклонены на основании статьи 35 за то, что они были представлены несвоевременно, и что Суд постановил в этих двух делах, что «даже если предположить, что заявители не имели эффективных средств правовой защиты, как утверждается, следует считать, что они знали об этом задолго до 30 октября 2001 г., даты подачи ими жалобы». Мы не можем согласиться с обоснованием этих двух решений о неприемлемости, изложенных в пункте 171, принятием в качестве критического момента «конца 1990 года». В этом отношении,

6. Продолжающееся нарушение, например, когда государство не расследует насильственные исчезновения или не несет ответственности за них, с течением времени не перестает быть длящимся нарушением. На наш взгляд, судья Зиемеле прав, замечая, что неприменение правила шестимесячного срока к нарушениям международных обязательств, которые носят длящийся характер, например, в контексте насильственного исчезновения, служит важной цели предотвращения пользуются безнаказанностью за такие действия.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ЗИМЕЛЕ

1. Я согласен со всеми выводами Суда по данному делу. Однако есть несколько вопросов, которые Суд оставляет открытыми в своих рассуждениях или по которым я придерживаюсь иной аргументации. Первый касается статуса пропавших без вести мужчин в ходе разбирательства в Суде (пункты 111–113 решения). Второй касается презумпции смерти (пункты 142–146 решения). Третий и последний вопрос касается применения правила шестимесячного срока к продолжающимся нарушениям, особенно когда речь идет о насильственных исчезновениях. Прежде всего следует отметить, что все эти вопросы взаимосвязаны. Теперь я соответственно коснусь этих трех вопросов.

Статус пропавших мужчин

2. Ссылаясь на существующую судебную практику, Суд отмечает, что обычно родственники исчезнувшего лица называются в качестве заявителей в делах, рассматриваемых Судом (см. пункт 111 постановления). В данном случае заявления подаются от имени исчезнувших лиц и их родственников, и родственники явно отказываются признать, что презумпция смерти может применяться к исчезнувшим лицам. Кроме того, заявители не заявляют о нарушении материально-правового аспекта статьи 2 Конвенции (см., напротив, судебную практику в отношении исчезновений в Чечне (Россия)).

3. В своем решении Суд устанавливает, что обязанность выяснить судьбу пропавших без вести и привлечь к ответственности лицо или лиц, виновных в этом, носит длящийся характер (см., например, пункт 148 решения). На мой взгляд, из этого следует, что, пока судьба пропавших без вести неизвестна, это противоречило бы самой природе конкретного продолжающегося обязательства, если бы Суд признал, что они могут считаться умершими, в которых в этом случае соответствующие правовые последствия будут включать отсутствие у них правоспособности перед Судом.

4. Кроме того, насильственные исчезновения представляют собой особое явление, с которым можно полностью справиться только в том случае, если будет признано, что оно нарушает одновременно несколько прав человека (определение этого явления см., например, в Декларации Организации Объединенных Наций о защите прав человека). всех лиц от насильственных исчезновений, пункт 89 решения). Возможно, не все эти права конкретно изложены в Конвенции, но они могут подразумеваться в других концепциях, содержащихся в ней. Среди прав, нарушаемых в ситуациях насильственных исчезновений, есть право на признание

правосубъектности. Не принимая статус заявителей пропавших без вести, может показаться, что сам Суд отказывается признать этих лиц лицами перед законом и ограничить их право на доступ к правосудию.

Презумпция смерти

5. Важно также отметить, что международное признание актов насильственного исчезновения в качестве длящегося преступления до тех пор, пока преступники продолжают скрывать судьбу и местонахождение пропавших без вести лиц, направлено на сдерживание государств от применения такой практики. В рамках этой более широкой цели на уровне Организации Объединенных Наций было признано, что презумпция смерти не может применяться вопреки возражениям семьи (пункт 90 решения). История показывает, что пропавшие без вести лица находят спустя десятилетия после международных конфликтов и что семьи продолжают надеяться и искать своих близких.

6. Следует отметить, что в настоящем деле, в отличие от позиции во многих делах, возникающих в связи с конфликтом в Чечне (Россия) и которую Суд использует в качестве основного источника принципов, подлежащих применению в настоящем деле, родственники не обращались ни к национальным властям, ни к Суду с просьбой так или иначе решить, мертвы ли пропавшие без вести мужчины (для сравнения см. *Асхарова против России*, № 13566/02, § 59, 4 декабря 2008 г., и *Магомадова против России*)., № 2393/05, 18 июня 2009 г.). Правительство-ответчик, опять же в отличие от позиции в российских делах, ссылается на презумпцию смерти, чтобы утверждать, что события не подпадают под временную юрисдикцию Суда. Российские дела очень четко отличаются от настоящего дела тем, что даже дата предполагаемой смерти подпадает под временную юрисдикцию Суда, и возникает вопрос о существенном нарушении статьи 2. Как правило, в этих случаях имеется относительно гораздо больше и более свежие доказательства фактического события похищения.

7. Таким образом, я не разделяю доводы Суда в настоящем деле о том, что по прошествии более тридцати четырех лет могут быть веские косвенные доказательства того, что пропавшие без вести мужчины тем временем умерли (пункт 146 решения). Безусловно, российская судебная практика не является основанием для такого утверждения принципа. В нашем случае заявители отказываются принять какую-либо презумпцию смерти, в то время как государство-ответчик приводит этот аргумент. В то же время заявители не выдвигают претензии по материально-правовому аспекту статьи 2, в контексте которого, на мой взгляд, это разногласие более логично. Формулировка пункта 146 может дать неверное представление о

подходе Суда к длительным насильственным исчезновениям, обычно связанным со сложными международными конфликтами. Суд пришел к выводу, что, даже несмотря на то, что пропавшие без вести мужчины могут считаться мертвыми, сохраняется постоянное обязательство расследовать их судьбу и сообщать об их местонахождении. Мне трудно понять, как можно осмысленно отделить обязанность от тех, на кого возложено право, т. е. пропавших без вести. Таким образом, учитывая, что представляли собой насильственные исчезновения в день подачи жалобы в Суд, пропавшие без вести мужчины не могли считаться умершими, поскольку не было никаких национальных решений или запросов родственников на этот счет. Пропавшие без вести мужчины являются заявителями, и согласно Конвенции государство-ответчик имеет перед ними определенные права. Мне трудно понять, как можно осмысленно отделить обязанность от тех, на кого возложено право, т. е. пропавших без вести. Таким образом, учитывая, что представляли собой насильственные исчезновения в день подачи жалобы в Суд, пропавшие без вести мужчины не могли считаться умершими, поскольку не было никаких национальных решений или запросов родственников на этот счет. Пропавшие без вести мужчины являются заявителями, и согласно Конвенции государство-ответчик имеет перед ними определенные права.

Правило шести месяцев

8. Наконец, я должен коснуться вопроса о правиле шести месяцев. Вполне понятно, что Суд хочет сохранить некоторую правовую определенность, когда речь идет о сроках, в течение которых могут быть поданы жалобы. Крайние сроки служат своей законной цели в судебных разбирательствах. Однако в нашем случае вопрос заключается в том, применим ли тот же подход, когда речь идет о продолжающемся нарушении международного обязательства. Для целей этого вопроса важно напомнить себе о самом характере продолжающегося нарушения международного обязательства. В пункте 2 статьи 14 проекта статей Комиссии международного права об ответственности государств за международно-противоправные деяния это явление определяется следующим образом:

«Нарушение международного обязательства деянием государства, имеющим длящийся характер, распространяется на весь период, в течение которого деяние продолжается и остается не соответствующим международному обязательству».

9. В нашем случае государство-ответчик до сих пор не объяснило судьбу пропавших без вести мужчин, не провело расследование событий и виновных и не предложило возможность требовать возмещения ущерба жертвам и родственникам. Тот факт, что Комитет Организации Объединенных Наций по делам пропавших без вести («КПК») не был эффективным, является лишь одним и далеко не самым важным критерием для принятия решения о том, применять или нет правило шести месяцев в текущем разбирательстве до суда. Суд. Полномочия СМР ограничиваются установлением того, живы или мертвы исчезнувшие лица. Он не может возлагать ответственность или указывать причину смерти (пункт 85 постановления). Другими словами, не СМР выполнит весь объем турецких обязательств в отношении пропавших без вести лиц. Это было известным фактом, когда была создана СМР. Это было подтверждено в четвертом межгосударственном деле (п. 187 постановления).

10. Суд пошел по ложному пути в своих рассуждениях о правиле шести месяцев, когда он заявил, что с момента, когда стало ясно, что СМР не дает надежды на прогресс (пункт 170 решения), отсчет шести месяцев должен начаться для соответствующих лиц с целью подачи жалобы в Суд. Как следует из решения (см. доводы сторон по статье 2) и с учетом выводов Суда в отношении продолжающегося нарушения Турцией процессуального обязательства по статье 2 (пункты 191–194 решения), мы все еще сталкиваемся с продолжающимся нарушением обязательства по Конвенции. Таким образом, Суд должен был руководствоваться своей собственной прецедентной практикой в отношении неприменения правила шестимесячного срока к длящимся ситуациям (пункт 159 решения).

11. Однако презумпция неприменимости является опровержимой. Суд в любом случае рассмотрит каждую ситуацию, о чем Суд действительно заявляет в пункте 165. Как было отмечено Международным Судом в деле о некоторых фосфатных землях в Науру, «поэтому Суду надлежит определить в с учетом обстоятельств каждого дела, делает ли заявление неприемлемым по прошествии времени» (*Phosphate Lands in Nauru Case*, ICJ Reports 1992, § 32). Таким образом, критерий применения правила шести месяцев к продолжающимся ситуациям отличается от того, что изложено в рассуждениях в пунктах 166–171. Вместо этого следует задаться вопросом, имело ли место какое-либо событие или действие, которое можно было бы рассматривать как инициирующее истечение срока подачи жалобы, поскольку до тех пор, пока не предпринимаются значимые действия для решения проблемы исчезновений, проблема

сохраняется, и, соответственно, сохраняется право на обжалование ее. Другими словами, вопрос не в том, имеет ли место событие, приостанавливающее течение времени (см., а contrario, пункт 171 постановления); это есть ли событие, которое запускает начало шестимесячного периода. Если СМР задумывался как надлежащее средство правовой защиты в делах об исчезновениях, его действительно можно было должным образом рассмотреть в свете правила шестимесячного срока. пункт 171 решения); это есть ли событие, которое запускает начало шестимесячного периода. Если СМР задумывался как надлежащее средство правовой защиты в делах об исчезновениях, его действительно можно было должным образом рассмотреть в свете правила шестимесячного срока. пункт 171 решения); это есть ли событие, которое запускает начало шестимесячного периода. Если СМР задумывался как надлежащее средство правовой защиты в делах об исчезновениях, его действительно можно было должным образом рассмотреть в свете правила шестимесячного срока. Но это явно не так.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ВИЛЛИГЕРА

Я проголосовал за большинство в установлении нарушений статей 2, 3 и 5 Конвенции.

Тем не менее, я не согласен с выводом большинства, в котором отклоняется предварительное возражение правительства-ответчика относительно применения правила шестимесячного срока в соответствии со статьей 35 § 1 Конвенции (пункт 172 постановления).

Не может быть никаких сомнений в том, что исчезновения представляют собой продолжающуюся ситуацию. Однако родственники пропавших без вести лиц, утверждающие, что они страдают от продолжающегося насилия, не могут бесконечно ждать, пока они предпримут определенные действия. На каком-то этапе продолжающаяся ситуация закончится, и придется применять правило шести месяцев. Возникает вопрос, когда же наступит этот момент.

В настоящем деле этот момент возник, когда родственники пропавших без вести лиц имели в своем распоряжении средства правовой защиты и использовали их, или не использовали их, поскольку поняли, что средства правовой защиты неэффективны. Учреждением, обеспечивающим средство правовой защиты, если я могу его так назвать, был бы Комитет Организации Объединенных Наций по делам пропавших без вести («КПК»). В 1981 году, когда он был создан, на него возлагали большие надежды. Но через определенное время всем было видно, что оно неэффективно, и от родственников уже нельзя было ожидать обращения к нему.

Таким образом, к 1984 г. задержки стали очевидными, в частности потому, что только тогда, т.е. через три года после создания КС/СС, были подготовлены правила процедуры. В последующие годы родственники должны были понять, при необходимости с помощью компетентного юридического совета, что СМР вовсе не был органом, который мог бы предоставить помощь и которую они могли бы ожидать.

Для меня конечная дата продолжающегося периода приходится на 1987 год. Таким образом, эта точка зрения совпадает с возражением правительства-ответчика о том, что правило шести месяцев начало действовать в год, когда Турция приняла право на подачу индивидуальной жалобы в бывшем Европейская комиссия по правам человека.

Поскольку тогда родственники не подали свои жалобы, они, по моему мнению, не выполнили правило шести месяцев в соответствии со статьей 35 § 1 Конвенции.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ЭРОНЕНА

1. В соответствии с решением Большой палаты по делу *Šilih* против Словении ([БП], № 71463/01, 9 апреля 2009 г.) большинство в настоящем деле стремилось установить последовательность судебной практики в вопросах, касающихся *ratione temporis*. и правило шести месяцев в отношении дел об исчезновениях, предоставляющее юрисдикцию в отношении этого вопроса Суду, чтобы положить конец аномалиям, присутствующим в различных постановлениях по этому вопросу на сегодняшний день.

Я не смог согласиться с решением большинства о том, что Суд обладает юрисдикцией принимать решение по настоящему делу, по причинам, которые я изложу ниже, и потому, что я не нашел причин изменить свое мнение по этому вопросу, которое я изложил в постановлении Палаты. В целом я обнаружил, что вместо того, чтобы прояснить ситуацию и прецедентное право по этому вопросу, как я полагаю, прецеденты прецедентного права по этому вопросу стали еще более несостоятельными и запутанными в результате решения большинства в этом деле, так что в настоящее время существует судебная практика, которая относительно вредна для эффективности и последовательности, ожидаемых от Европейского суда по правам человека.

Я обнаружил, что это относится как к оценке большинством *ratione temporis* в делах об исчезновениях, так и к применению правила шестимесячного срока, оба из которых, как мне кажется, были размыты и от них отказались в результате этого решения. Я посвящу свое мнение этим двум аспектам решения и связанным с ними вопросам. Поскольку я не согласен с тем, что Суд обладает юрисдикцией в этом деле, я не считаю этичным или правильным высказывать какое-либо мнение по любому из существенных вопросов, связанных с предполагаемыми нарушениями Конвенции.

2. Я голосовал против вывода большинства, отклонившего два предварительных возражения правительства-ответчика о том, что Суд не обладает юрисдикцией *ratione temporis* для рассмотрения дела и что жалоба была подана несвоевременно в соответствии с правилом шести месяцев. Я считаю, что Суд не обладает компетенцией выносить решения по существу настоящего дела. Ниже я остановлюсь на этом мнении. Я также голосовал против решения большинства о том, что юридический интерес сохраняется в продолжении рассмотрения этих заявлений именно по той причине, что большинство в этом решении (параграфы 185, 186, 201, 202 и 208) пришли к выводу, что первоначально названные заявители в каждом заявлении были среди тех, кто пропал без вести в 1974 году.

3. В соответствии с моим мнением о том, что Суд не обладает временной юрисдикцией, я голосовал против вывода о продолжающемся нарушении статьи 2 в связи с неспособностью властей государства-ответчика провести эффективное расследование судьбы из девяти пропавших без вести мужчин, исчезнувших при угрожающих жизни обстоятельствах. В результате я снова не считаю правильным или этичным высказывать какие-либо комментарии по существу этих утверждений или по мнению большинства, изложенному в решении.

4. Из этого следует, что по той же самой причине я не счел в соответствии со своим мнением о некомпетентности *ratione temporis* и правила шестимесячного срока брать на себя обязательство выражать какие-либо мнения или делать выводы о продолжающемся нарушении в соответствии с статьи 3 в отношении заявителей и продолжающегося нарушения статьи 5 в связи с неспособностью властей государства-ответчика провести эффективное расследование судьбы Элефтериоса Тома и Савваса Хаджипантели.

5. Вместе с моими коллегами я проголосовал в отношении предполагаемого нарушения статьи 5 в отношении того, что не было продолжающегося нарушения в силу неспособности властей государства-ответчика провести эффективное расследование судьбы семи пропавших без вести мужчин, ради последовательности. Я не считаю это каким-либо образом противоречащим моему мнению по предварительным возражениям.

6. Точно так же причина, по которой я проголосовал вместе с моими коллегами (несмотря на мое мнение, что Суд не обладает временной юрисдикцией для рассмотрения существа этого заявления), установил, что не было необходимости рассматривать жалобы, касающиеся предполагаемых нарушений в соответствии со статьями 4, 6, 8, 10, 12, 13 и 14 Конвенции, было просто потому, что Суд не нашел оснований для рассмотрения жалоб, а не потому, что я согласен с выводами большинства о нарушениях статей 2, 3 и 5 (пункт 211 судебного решения).

7. По той же причине, учитывая мое мнение о том, что Суд не обладает временной юрисдикцией, и поскольку я не считаю, что существует продолжающееся обязательство, я голосовал против любого вывода, касающегося вопроса о том, следует ли выносить решение в отношении морального вреда.

8. Я голосовал вместе с моими коллегами в отношении оставшейся части требования заявителей о справедливой компенсации с теми же мотивами и убеждениями, что и в пункте 5 выше.

На данном этапе я хотел бы повторить замечания, которые я сделал по делу, находящемуся на рассмотрении Камеры. Любое мнение, которое я могу выразить в этом заключении, сделано с целью

расширения и подтверждения наблюдений, сделанных мной на этом этапе разбирательства. Решение Большой палаты по делу Шили не изменило мою точку зрения. Я также выскажу свое скромное мнение о том, почему я не мог согласиться с мнением большинства в данном конкретном случае.

Большинство признает, что в соответствии с общими принципами, применимыми к данному делу, оно не обладает компетенцией рассматривать фактические события 1974 года, считая их неподпадающими под временную юрисдикцию Суда.

Тем не менее, по мнению большинства, (a) обязанность по проведению эффективного расследования сама по себе является независимым нарушением, действующим отдельно от материально-правовой части статьи 2; (b) что даже в случае установления презумпции смерти это не отменяет процессуального обязательства проводить расследование; и (c) исчезновения являются «мгновенным актом», который, тем не менее, влечет за собой продолжающееся обязательство по расследованию, и что, таким образом, Суд обладает юрисдикцией рассматривать дело *ratione temporis*.

Принимая решение о принципе *ratione temporis*, я обнаружил некоторую путаницу в оценке двух недавних дел по *ratione temporis*, *Blečić* (против Хорватии [GC], № 59532/00, ECHR 2006III) и *Šilih*.

Как было отмечено большинством, принципы Блечича, среди прочего, гласят:

«77. ... временная юрисдикция Суда должна быть определена в отношении фактов, составляющих предполагаемое вмешательство. Последующая неспособность средств правовой защиты, направленных на устранение этого вмешательства, не может сделать его подпадающим под временную юрисдикцию Суда». (выделение добавлено)

Суд, уточняя принцип решения по делу Блечича, подчеркнул следующее:

«81. В заключение, несмотря на то, что с даты ратификации и далее все действия и бездействие государства должны соответствовать Конвенции (см. Ягджи и Саргин против Турции, 8 июня 1995 г., § 40, Серия А, т. 319А), Конвенция не налагает конкретных обязательств на Договаривающиеся государства по возмещению ущерба или ущерба, причиненного до этой даты (см. Копецки против Словакии [БП], № 44912/98, § 38, ECHR 2004IX). Любой другой подход подорвал бы как принцип отсутствия обратной силы в праве договоров, так и фундаментальное различие между нарушением и возмещением, которое лежит в основе права ответственности государств.

82. Таким образом, для установления временной юрисдикции Суда важно определить в каждом конкретном случае точное время предполагаемого вмешательства. При этом Суд должен принять во внимание как факты, на которые жалуется заявитель, так и объем прав, предусмотренных Конвенцией, которые, как утверждается, были нарушены». (выделение добавлено)

В деле *Şilih* подход к вопросу о наличии процессуального обязательства по статье 2 включал вопрос об отделимости процессуального обязательства. Чтобы существовала процессуальная обязанность в соответствии со статьей 2, Шили заявляет следующее (§§ 162-63):

«...если смерть наступила до критической даты, только процессуальные действия и/или бездействие, имевшие место после этой даты, могут подпадать под временную юрисдикцию Суда.

... должна существовать реальная связь между смертью и вступлением в силу Конвенции в отношении государства-ответчика, чтобы процессуальные обязательства, налагаемые статьей 2, вступили в силу.

Таким образом, значительная часть процессуальных действий, требуемых этим положением, которые включают не только эффективное расследование смерти соответствующего лица, но и возбуждение надлежащего судебного разбирательства с целью установления причины смерти и привлечения виновных к ответственности. (см. [*Vo v. France*], § 89) – было или должно было быть проведено после критической даты.

Однако Суд не исключает, что при определенных обстоятельствах связь может также основываться на необходимости обеспечения реальной и эффективной защиты гарантий и основополагающих ценностей Конвенции».

Хотя верно то, что Турция ратифицировала Конвенцию в мае 1954 г., она признала только право на подачу индивидуальной жалобы в отношении событий, произошедших после 22 января 1987 г., и юрисдикцию Суда только в 1990 г. решение большинства, какова «подлинная связь между смертью и вступлением в силу Конвенции» для Турции.

По моему уважительному мнению, несмотря на то, что Турция может быть связана положениями Конвенции с 1954 г., Суд не обладает компетенцией рассматривать какие-либо факты, имевшие место до 1987 г., даже если процессуальное обязательство по статье 2 является «отделимым», поскольку, согласно Шилиху (упомянутое выше) такая юрисдикция для рассмотрения не возникла из-за каких-либо процессуальных действий и/или бездействий, имевших место после «критической даты» 1987 года, которую большинство уже приняло в качестве даты вступления в силу. Статья 6 Протокола № 11 подтверждает это мнение. Другими словами, Суд обладает юрисдикцией только для рассмотрения продолжающегося процессуального обязательства, возникающего после 1987 года, поскольку продолжающееся обязательство будет двигаться вперед после критической даты, а не назад. Статья 6 Протокола №

Протокол № 11 вступил в силу 1 ноября 1998 года. Статья 6 Протокола № 11 предусматривает:

«Если Высокая Договаривающаяся Сторона сделала заявление о признании компетенции Комиссии или юрисдикции Суда в соответствии с прежними статьями 25 или 46 Конвенции в отношении вопросов, возникающих после или на основании фактов, имевших место после любого такого заявления, это ограничение остаются в силе для юрисдикции Суда в соответствии с настоящим Протоколом».

Действующая статья 6 Протокола № 11 четко указывает, что современный Суд правомочен рассматривать только «вопросы, возникающие после или на основании фактов, имевших место после» любого заявления о признании компетенции Суда. Следовательно, в соответствии с моими взглядами на вопрос *ratione temporis*, статья 6 Протокола № 11 четко запрещает Суду рассматривать любое дело, касающееся каких-либо фактов, имевших место до «критической даты» 1987 года.

В этом отношении я нашел решение большинства сбивающим с толку тем, что, несмотря на статью 6 Протокола № 11, обязывающую Турцию в отношении нарушений, имевших место после 1987 г., большинство предпочитает считать 1954 г. датой вступления в силу своей временной компетенции для рассмотрения предполагаемых нарушений в Фактически Турция не соглашалась быть в обязательном порядке связанной ими или нести за них ответственность до критической даты 1987 года. По сути, большинство соглашается с тем, что, хотя Суд не обладает юрисдикцией рассматривать жалобы, поскольку предполагаемые нарушения основаны на фактах, имевших место до этой «критической даты» (пункты 133-134 постановления), то есть до 1987 года, он, тем не менее, исходит из своего вывода о том, что Турция была связана положениями Конвенции с даты ратификации Конвенции, 18 мая 1954 г. В результате Я считаю, что он ошибочно относит события 1974 года, а также исчезновения и последующие смерти того времени к своей юрисдикции.

Это трудно согласовать с делом *Xenides-Arestis* против Турции ((справедливая компенсация), № 46347/99, 7 декабря 2006 г.) в отношении *ratione temporis*, где Суд, оценивая компенсацию в своем решении о справедливой компенсации, принял в качестве даты вступления в силу дату, когда Турция признала обязательную юрисдикцию Суда в 1990 году, постановив следующее (§ 38):

«Суд, таким образом, приступит к определению компенсации, на которую заявительница имеет право в отношении убытков, связанных с отказом в доступе и потерей контроля над ее собственностью, ее использованием и пользованием в период с 22 января 1990 г., даты принятия Турцией обязательного юрисдикции Суда и в настоящее время (Лоизиду (статья 50), постановление от 29 июля 1998 г., упомянутое выше, с. 1817, § 31)».

На мой взгляд, решение большинства внесет еще большую путаницу в и без того сложные вопросы *ratione temporis*, поскольку мои комментарии ниже будут более конкретизированы.

Презумпция смерти

Моя точка зрения в отношении этого аспекта остается такой же, как и в решении Палаты (*Varnava and Others v. /90, 16072/90 и 16073/90, 10 января 2008 г.*), в том, что:

«... Я не вижу уважительной причины, по которой презумпция смерти (в свете последних изменений в прецедентной практике Суда), кроме как по соображениям деликатности по этому вопросу, не могла бы быть вынесена и принята соответствующим образом. Принцип Блечича, примененный к настоящему делу, в определенной степени смягчает выводы о презумпции жизни и продолжающемся нарушении, выраженные в решении по делу Кипр против Турции о пропавших без вести лицах, тем самым исключая наличие обязательства продолжающийся характер. Я считаю, что исчезновения и презумпция смерти заявителей существовали как факт до того, как Турция признала право на подачу индивидуальной жалобы в Комиссию. Иными словами, факты, составляющие предполагаемое вмешательство и доказанные,

Короче говоря, я чувствую, что нет нарушения «продолжающегося характера» и, следовательно, нет обязательства постоянного характера. Выводы решения по делу Кипр против Турции в отношении «продолжающегося нарушения статьи 2 в связи с неспособностью властей государства-ответчика провести эффективное расследование» необходимо интерпретировать в соответствии с недавней судебной практикой, которая требует, чтобы такое «продолжающееся обязательство» и все вытекающие из него требования, если обязательство действительно существует, существовали только в том случае, если дело подпадает под компетенцию этого Суда *ratione temporis*, а, на мой взгляд, в настоящем деле этого нет.

Учитывая, что факты предполагаемого вмешательства (исчезновение и последующая предполагаемая смерть) произошли до 28 января 1987 г., я не считаю, что Суд может рассматривать жалобы на неэффективность расследования исчезновения киприотов-греков из-за отсутствия юрисдикции *ratione temporis*».

Неясно, предполагает ли решение большинства в настоящем деле смерть пропавших без вести лиц или нет, хотя, похоже, оно делает неясные предположения по этому вопросу. Кроме того, в то время как презумпция смерти «не является автоматической», большинство отмечает, что существует вероятность того, что пропавшие без вести мертвы, и оно также делает это на примерах прецедентного права, где такие презумпции смерти действительно были сделаны (пункт 143 постановления),

«[е]даже если бы существовала доказательная база, которая могла бы оправдать вывод о том, что девять пропавших без вести мужчин умерли во время или вскоре после событий 1974 года...» (пункт 144).

Таким образом, в пункте 146 решения большинства Суд заключает:

«...что, хотя по прошествии более тридцати четырех лет без каких-либо известий о пропавших без вести лицах могут быть убедительные косвенные

доказательства того, что они тем временем умерли, это не снимает процессуального обязательства по расследованию».

Возникает противоречие, когда, сделав вывод на основе «убедительных косвенных доказательств» о том, что мужчины на самом деле могут быть мертвы, Суд заявляет в пункте 148:

«Исчезновение — это особое явление, характеризующееся продолжающейся ситуацией неопределенности и безответственности, при которой имеет место недостаток информации или даже преднамеренное сокрытие и запутывание того, что произошло...»

Я согласен с выводами большинства в настоящем деле в параграфе 146 и параграфе 147 о следующем:

«... как установлено в деле *Şilih* относительно процессуального обязательства в соответствии со статьей 2 расследовать незаконные или подозрительные смерти, процессуальное обязательство в соответствии со статьей 2, возникающее в связи с исчезновениями, действует независимо от материально-правового обязательства».

Тем не менее, хотя и делается попытка выделить подход Шилиха в том смысле, что требование близости смерти и следственных действий к дате вступления в силу Конвенции «применяется только в контексте убийств или подозрительных смертей, когда определяющий фактический элемент, смерть потерпевшего, известен с уверенностью, даже если точная причина или окончательная ответственность не вытекают» из продолжающегося характера процессуального обязательства, как это имеет место в делах об исчезновении (пункты 148 к 149 судебного решения), тем не менее, большинство безоговорочно признало, что мужчины, скорее всего, мертвы. Я считаю, что большинство, излагая свои взгляды, должны были прийти и изложить более конкретный и явный вывод о судьбе «пропавших без вести», а не просто делать это косвенно.

Принимая во внимание принципы, изложенные в деле *Şilih*, даже если отдельное процессуальное обязательство, «действующее независимо от материально-правовой части», носит длящийся характер, оно связано с фактами, имевшими место до критической даты, и такое обязательство не может быть «отстранен» от событий, которые произошли до него. И наоборот, даже если обязательство является делимым, оно является частью событий, имевших место до критической даты, и, следовательно, не подпадает под временную юрисдикцию Суда.

Таким образом, я считаю, что замечания, содержащиеся в пунктах 147–149, фактически устраняют зависимость большинства от Шилиха и Блечича при принятии его выводов.

В соответствии с моим мнением о том, что следует использовать презумпцию смерти, я также согласен с большинством в том, что существуют «веские косвенные доказательства того, что они умерли»,

и что это само по себе не препятствует возникновению процессуального обязательства. Однако я отличаюсь тем, что существование этой обязанности зависит от того, обладает ли Суд временной юрисдикцией в отношении процессуального обязательства в первую очередь, что в соответствии с принципами, изложенными в недавнем решении Большой палаты по делу Шили, не имеет.

Я также полностью согласен с аргументацией судей Братцы и Тюрмена по делу Шили, выходящей за рамки «отделимых» обязательств процессуального аспекта статьи 2:

«Отделение процессуального обязательства от смерти, которая его породила, таким образом, было бы, по нашему мнению, равносильно приданию Конвенции обратной силы и признанию недействительным заявления государства о признании компетенции Суда принимать индивидуальные жалобы».

Даже если было отмечено (в пункте 134), что «заявители указали, что их требования касаются только ситуации, имевшей место после января 1987 г., а именно продолжающегося непредставления сведений о судьбе и местонахождении пропавших без вести путем проведения эффективного расследования», в В настоящем деле обязанность по проведению следственных действий не была вызвана «соответствующими новыми доказательствами или информацией» в этом Суде, поскольку позиция большинства по этому вопросу, как я понимаю, по-прежнему основывается на выводах четвертого межгосударственного дела.

Опять же, повторяю, я считаю, что, следуя рассуждениям в деле Şilih, если обязанность и существовала, то она существовала и до января 1987 года. Комиссией и Судом (не менее тринадцати лет), то в соответствии со статьей 6 Протокола № 11 обязательство по расследованию, которое, как утверждается, существует, не может быть отделено от событий до 1987 года. Даже если такое обязательство признается «отделимым», это все еще вне временной юрисдикции этого Суда.

Если обязанность проводить расследования и существовала, то она существовала с 1974 года и продолжалась до и после критической даты. Таким образом, условия Шилиха не выполняются. В равной степени верно и то, что такие факты неотделимы или «отделимы» от событий, имевших место до 1987 года. Следовательно, в обоих отношениях Суд не обладает юрисдикцией рассматривать это дело.

Именно этого требует принцип правовой определенности. Трудности и аномалии, лежащие в основе судебной аргументации (пункты 132–150 постановления), обнаруженные в настоящих жалобах, приводят к тому, что я считаю попыткой отнести процессуальное обязательство расследования к юрисдикции этого Суда.

Я не мог не задать себе вопрос, следует ли поэтому предполагать, что дела об исчезновении, подобные рассматриваемому нами делу, где презумпция смерти является естественным следствием фактов, рассматриваемых Судом, не имеют места или исключены из основополагающий принцип Конвенции, закрепленный в правиле *ratione temporis*. Другой вопрос: означает ли решение большинства по пунктам 147–149, что принцип *ratione temporis* более не применим к делам об исчезновениях?

Принцип *ratione temporis*, как и процессуальный аспект статьи 2, закреплен в Конвенции. Это не то, что можно отменить, и выводы большинства снова оставляют Суд открытым для непоследовательности в юриспруденции. Это решение поднимает серьезные вопросы правовой определенности и создает дополнительную неопределенность, если временную юрисдикцию Суда в отношении соблюдения процессуального обязательства статьи 2 в отношении смертей, наступивших до критической даты, следует рассматривать как бессрочную. Таким образом, эти несоответствия будет нелегко устранить, если в попытке устранить разногласия между различными решениями Суда по этому вопросу в отношении юрисдикции Суда *ratione temporis* в отношении процессуальных жалоб в соответствии со статьей 2,

Это означает, в заключение, что подход большинства в настоящем деле, по моему мнению, «равнозначен приданию Конвенции обратной силы и признанию недействительным заявления государства о признании компетенции Суда принимать индивидуальные жалобы» (см. отдельное мнение судей Братца и Тюрмен в Шили).

Принимая во внимание вышеизложенное и статью 6 Протокола № 11, я считаю, что предполагаемое вмешательство, упомянутое в данном деле, будь то процессуальное или материальное, не подпадает под временную юрисдикцию Суда и, следовательно, он не компетентен рассматривать эти жалобы. .

Правило шести месяцев

Что касается того, существовало ли «процессуальное обязательство по расследованию судьбы и местонахождения пропавших без вести мужчин во время подачи этих жалоб», большинство соглашается с решением Палаты о том, что не было «необоснованной задержки со стороны этих заявителей в подаче своих жалоб». ».

На мой взгляд, и здесь в действительности правило шести месяцев размывается, привнося в правило иную интерпретацию, чем та, которая уже была четко определена. Хотя я принимаю толкование «разумной экспедиции» большинства, это совершенно относительный вопрос, относящийся к настоящему делу и не имеющий отношения к

делу «Байбора и другие» (против Кипра (реш.), № 77116/01, 22 октября 2002 г.) Приложения. Признавая, что заявителям было трудно осознать неэффективность Комитета Организации Объединенных Наций по пропавшим без вести («КПК»), Суд, по-видимому, игнорирует, возможно, еще более серьезные трудности и «особые обстоятельства», возникшие в прошедшие годы для заявителей из числа киприотов-турок, в связи с «неопределенностью и неразберихой, которые часто отмечают последствия исчезновения» (пункты 162–166 приговор). По-видимому, не было сделано никаких поправок в отношении «случаев исчезновения киприотов-турок, когда имеет место состояние невежества и неопределенности и, по определению, отсутствие объяснения того, что произошло, если не видимость преднамеренного сокрытия и воспрепятствования со стороны некоторые власти, [и где] ситуация менее ясна».

Хотя указана дата — «конец 1990 года», — когда заявители должны были узнать о неэффективности СМР, большинство из них, при всем уважении к моим коллегам, не дают того же понимания заявителям-туркам-киприотам, которые в факт ждал официального подтверждения в решении Суда, то есть в решении от 10 мая 2001 года по четвертому межгосударственному делу. Здесь я считаю необходимым повторить свое мнение в постановлении Палаты по этому вопросу:

«(а) Правительство Кипра, вступившее в дело, признало право на подачу индивидуальной жалобы в Комиссию 1 января 1989 года. Заявители из числа киприотов-турок не могли ранее ходатайствовать о возмещении ущерба в отношении своих требований. Точно так же заявители из числа киприотов-греков не могли подать заявление до ратификации Турцией в 1987 году в Комиссию, а в январе 1990 года - в Суд.

(b) Заявители по настоящему делу, а также по делу «Карабардак и другие» не могли знать о решениях, принятых по межгосударственным делам. Первое, второе или третье межгосударственные дела на самом деле не касались вопросов продолжающегося нарушения. В 2001 году в четвертом межгосударственном деле впервые было изложено понятие длящегося нарушения в делах об исчезновениях. В любом случае ни один заявитель не мог подать заявку до 1989 или 1990 года соответственно. Настоящие заявители подали жалобу в 1990 году. Карабардакские заявители подали жалобу в 2001 году, вероятно, после получения юридической консультации по этому вопросу. Правовые позиции в обоих случаях одинаковы.

(c) Как указывалось в деле *Akdivar (Akdivar and Others v. Turkey, решение от 16 сентября 1996 г., Reports 1996-IV, p. 1210)*, при рассмотрении вопроса о том, действительно ли средства правовой защиты доступны. Учитывая обстановку на Кипре как в 1963-1964, так и в 1974 году, нельзя с уверенностью сказать, что такое возмещение было легкодоступным для отслеживания исчезновений (см. также Кипр против Турции, § 99).

(d) СМР не начал функционировать до 1981 года. СМР занимался сбором файлов о семьях пропавших без вести как греков, так и турок, поэтому,

вероятно, полагались на результаты расследований СМР, и никаких других требований о возмещении ущерба не требовалось. Понятно, что такие семьи пропавших без вести лиц не знали о мандате СМР в том виде, в каком он существовал в то время, и, возможно, узнали о его функциях и взглядах на его работу только после четвертого межгосударственного судебного решения в мае 2001 года. Из этого следует, что тот факт, что заявители по настоящему делу обратились в Комиссию через три дня после того, как Турция признала юрисдикцию Суда, при всем уважении к моим коллегам, не имеет значения. Юридически нет никакой разницы между задержками карабардакских заявителей и настоящих заявителей в их жалобах в Суд и Комиссию соответственно. Если жалобы Карабардак и Байбора были отклонены из-за того, что они были представлены несвоевременно в соответствии со статьей 35, то же должны были быть отклонены и настоящие жалобы. Тот факт, что события, на которые они жаловались, происходил во время межобщинной борьбы 1960-х годов, а не в 1974 году, не имеет значения для правовой ситуации».

В то время как большинство утверждает, что уделяло «внимательное внимание» семьям киприотов-турок, пропавших без вести в результате межобщинных конфликтов в 1960-х годах, заявляя в пункте 171:

«[Суд] особенно чувствителен к любым проявлениям различных и непоследовательных подходов в этих делах. Тем не менее, он не убежден, что это так. Решения Палаты по вышеупомянутым делам очень лаконичны; а при отсутствии доводов сторон нет и объяснительной аргументации. Однако их вывод о том, что жалобы были поданы несвоевременно, соответствует принципам и прецедентному праву, изложенным выше».

У меня нет впечатления, что это так. Я считаю, что есть явное противоречие в добавлении того, что вывод «соответствует принципам и прецедентному праву». Либо отсутствует «пояснительная аргументация», либо «вывод соответствует принципам и прецедентному праву». Не может быть и того, и другого, так как решения Baybora и Others охарактеризованы как «краткие». Таким образом, приведенная здесь оценка дела Байбора и других (пункт 171 решения) большинством голосов, к сожалению, закрывает дверь для заявлений киприотов-турок.

Для ясности и соответствия прецедентному праву более подходящей датой была бы дата четвертого межгосударственного решения этого Суда, когда фактически обсуждалась и рассматривалась неэффективность СМР, а не «конец 1990 года».

Правило шести месяцев является принципом закона, *юридический факт*, и соблюдаться независимо от того, прошло ли три года или тринадцать лет. Это не имеет значения. Если есть «неоправданная задержка» в три года, то есть и «неоправданная задержка» в тринадцать лет. Мотивировка, приведенная большинством для обоснования как настоящего заявления, так и постановлений по делу Байбора и других, по моему мнению, не соответствует делу Шили, поскольку, как было установлено в деле Байбора и других, настоящие заявления также должны были быть поданы в шести-месячный период. Или, наоборот,

решение по делу «Байбора и другие» должно было быть принято в соответствии с настоящими взглядами.

Как указывалось выше, решение по делу Шили (упомянутое выше, § 165) придает значение (а) тому факту, что события, повлекшие за собой процессуальное обязательство, произошли *незадолго до критической даты ратификации* и (b) к тому факту, что расследования начались после ратификации. В этом отношении в деле «Шилих» Суд отмечает, что смерть сына заявителей наступила «*в*у немногим более чем за год до вступления в силу Конвенции в отношении Словении», а также тому факту, что все расследования были начаты вскоре после критической даты. Таким образом, поскольку процессуальная обязанность провести расследование возникла вскоре после ратификации Словенией, Суд счел, что он обладает юрисдикцией. Следует отметить, что в отличие от государства-ответчика в настоящем деле Словения признала обязательную юрисдикцию Европейской комиссии по правам человека и Европейского суда по правам человека с даты, когда она сдала на хранение документ о ратификации Конвенции, то есть 28 июня 1994 г.

По изложенным мною причинам настоящие заявки не были поданы в соответствии с правилом шести месяцев. Поэтому, к сожалению, я не могу согласиться с мнением большинства и сделать вывод, что решение по этому вопросу также создает серьезное противоречие в праве Европейской конвенции и прецедентах, заявляя:

«Соответственно, обращаясь в Суд в январе 1990 г., эти заявители действовали в особых обстоятельствах своих дел с разумной быстротой для целей статьи 35 § 1 Конвенции». (пункт 170)

Не беря на себя обязательств по комментариям по существу этого дела и без ущерба для моих изложенных выше мнений, я считаю важным сделать некоторую ссылку на мнения, высказанные в отношении СМР и бремени доказывания.

Комитет ООН по пропавшим без вести

На мой взгляд, в этих заявлениях была представлена соответствующая информация о функциях Комитета Организации Объединенных Наций по делам пропавших без вести («КПК»), которая не была доступна Большой палате в межгосударственном деле. Тем не менее, простая ссылка (пункт 85 постановления), вполне понятная для точного определения того, что такое СМР, и ее функций, просто взята из решения по межгосударственному делу, вынесенного в 2001 году, и ее недостаточно для того, чтобы отметить важные события, произошедшие с той даты. (пункты 86-87 решения). Это несправедливо по отношению к большому количеству информации,

предоставленной государством-ответчиком после вынесения этого решения.

Даже если СМР по-прежнему считается неэффективным для достижения целей статьи 2, я считаю немыслимым, что о нем больше нечего сказать в свете всего материала, предоставленного после решения 2001 года. Само решение большинства не делает никаких новых выводов ни по одному из аспектов его работы. Я не считаю, что развитие функций СМР и его актуальность в рамках «эффективного расследования» даже после получения новой информации и доказательств подверглись достаточной переоценке. Это становится еще более очевидным из-за того факта, что, хотя Суд широко использовал факты, информацию, прецедентное право и т. д., касающиеся юрисдикции *ratione temporis* в делах об исчезновениях, особенно в других международных органах (пункты 88–102 решения), он не сделал того же в отношении предоставленной информации СМР.

Мои взгляды подкрепляются недавними важными событиями, которые показали роль и деятельность СМР как императивного и незаменимого фактора для проведения эффективных расследований, как того требует статья 2. Этот факт был подчеркнут в решении, принятом на 1051-й сессии по правам человека. заседании Комитета министров 19 марта 2009 г. (см. пункт 88 выше).

Комитет министров, осуществляющий надзор за исполнением решения по четвертому межгосударственному делу, отметил, что «последовательность мер в рамках эффективного расследования» требует, чтобы любая другая форма эффективного расследования не ставила под угрозу миссию КСС, и счел Крайне важно, чтобы текущая работа СМР проводилась в наилучших возможных условиях и без дальнейших задержек. При этом она особо подчеркнула важность сохранения всей информации, полученной в ходе Программы эксгумации и идентификации. По сути, он отметил, что миссия СМР является частью любого другого необходимого расследования и не отделена от него, и она должна иметь приоритет над любым другим «эффективным расследованием». В моем понимании,

Бремя доказательства

Я также хотел бы кратко прокомментировать ссылки на бремя доказывания в настоящих заявлениях:

Большинство сочло, что «Суд согласен с тем, что стандартом доказывания, обычно применимым в индивидуальных жалобах, является стандарт доказывания, не вызывающий разумных сомнений, хотя это в равной степени применимо и к межгосударственным делам» (пункт 182 решения).

Однако я считаю, что эта точка зрения не дает обоснования того, почему это так, что приводит к ситуации, когда любые различия между двумя степенями доказывания не рассматриваются, и, следовательно, не дает комментариев относительно того, было ли бремя доказывания выписывается в этих конкретных отдельных случаях.

В межгосударственных делах государствам не нужно доказывать недовольство или причинение вреда. Однако в отдельных случаях такие проблемы должны быть доказаны. Приравнение индивидуальных жалоб к межгосударственным жалобам на том же уровне, я считаю, юридической ошибкой, которая фактически устранила стандарт доказывания, необходимый для установления нарушения в индивидуальных жалобах.

Что касается переноса бремени доказывания (пункт 184 постановления), то в отдельных заявлениях бремя доказывания перекладывается на государство-ответчика только в том случае, если заявители, во-первых, выполнили свое бремя и первоначально доказали факты, на которые они ссылались, обосновать свои требования о возмещении ущерба. Это, на мой взгляд, не так в настоящих приложениях. По сути дела, выводы по межгосударственным делам были приняты как неотъемлемая часть доказательства этих заявлений и применялись без отдельного изучения и отдельных выводов о фактах в этих отдельных заявлениях.

Утверждая, что «[т]нет никаких оснований, на которых можно предположить, что пропавшие без вести мужчины в настоящем деле были включены в выводы Суда [межгосударственного дела]» (пункт 181), решение далее говорит :

«В свете выводов по четвертому межгосударственному делу, которые не оспаривались, эти исчезновения произошли при угрожающих жизни обстоятельствах, когда проведение военных операций сопровождалось массовыми арестами и убийствами. Таким образом, статья 2 налагает на государство-ответчика постоянное обязательство отчитываться о местонахождении и судьбе пропавших без вести мужчин в настоящем деле...» (пункт 186)

Это несоответствие ясно показывает, что бремя доказывания, возложенное на заявителей в настоящем деле, не было оценено, поскольку Суд просто принял решение по межгосударственному делу по этому вопросу. В этой части постановления большинства (параграфы 181-86), и особенно в параграфе 185, есть косвенное установление факта в отношении того, что произошло в 1974 году, что большинство уже признало как находящееся за пределами его временной юрисдикции. Что касается меня, это связано с тем фактом, что, несмотря на попытку установить «отделимое» обязательство в соответствии с процессуальным аспектом статьи 2, решение, тем не менее, опирается на факты, находящиеся за пределами временной

юрисдикции Суда, считая их уже установленными как существующие. , когда это не так.

Ущерб и расходы

В заключение, Я пришел к выводу, что Правительство-ответчик обоснованно в своих предварительных возражениях и что Суд не обладает юрисдикцией, *ratione temporis*, для рассмотрения этого дела. Таким образом, я не вижу смысла высказывать свое мнение о том, может ли «влияние нарушения... расцениваемого как имеющее такой характер и степень, что оно оказало столь существенное влияние на моральное благополучие» вторых заявителей. могут быть отнесены на счет действий или бездействия правительства-ответчика в нарушение Конвенции.

Поскольку я не согласен с выводами о том, что факты заявлений могут быть предметом оценки Суда, я не могу согласиться с оценкой большинства в соответствии со статьей 41 по вопросу о требованиях о справедливой компенсации, полностью или частично.

Принимая во внимание все вышеизложенное, я также считаю, что не следует присуждать компенсации в отношении расходов, поскольку у этого Суда отсутствует юрисдикция, а сроки подачи заявлений истекают в соответствии с правилом шести месяцев.